

КЭТРИН КОУЛТЕР

НЕВЕСТА-
СОПЕРНИЦА

Шербруки

Кэтрин Коултер
Невеста-соперница

2005

Коултер К.

Невеста-соперница / К. Коултер — 2005 — (Шербруки)

Старинное поместье, где издавна разводили скаковых лошадей, продается почти за бесценок, и именно оно становится яблоком раздора между двумя покупателями – решительной и независимой Холли Каррик и сколотившим состояние в Америке Джейсоном Шербруком. Войны не миновать. Холли и Джейсон не щадят сил и не выбирают средств, дабы получить вожаемое поместье. Однако очень скоро безжалостные конкуренты понимают, что чувство, связывающее их, весьма далеко от соперничества и от вражды...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	24
Глава 7	29
Глава 8	34
Глава 9	38
Глава 10	44
Глава 11	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Кэтрин Коултер

Невеста-соперница

*Посвящается Ингрид Флорес Беккер
Ты необыкновенная женщина! Чистый восторг! Я так рада, что
ты стала частью моей семьи. Впрочем, как Корки и Клео.
Кэтрин*

Глава 1

*Балтимор, Мэриленд
Апрель 1835 года*

Джейсон Шербрук понял, что пора возвращаться домой, в тот момент, когда, откатившись от Люсинды Фротингейл, уставился в жирную уродливую морду ее мопса Хорейса, злобно на него зарывавшего, и неожиданно, совершенно непонятно почему, увидел своего брата-близнеца. Тот со слезами на глазах махал рукой Джейсону с пристани Истборна. Махал до тех пор, пока корабль не превратился в маленькую точку на горизонте.

Колючий ком подкатил к горлу Джейсона. Глаза подозрительно повлажнели, а сердце зануло так, что казалось, сейчас разорвется.

Джейсон в последний раз оглядел песика, примостившегося под боком хозяйки, и повернулся на живот, прислушиваясь к дыханию женщины и животного. Странно... Всего несколько секунд назад он наслаждался ее ласками, и вдруг непрошенные, принесшие боль воспоминания нахлынули на него. Неизвестно почему его охватило такое нетерпение, что он едва смог лежать спокойно. Ему хотелось одного: выпрыгнуть из теплой постели Люсинды, броситься в океан и плыть до самой Англии.

Спустя почти пять лет Джейсон Шербрук решил вернуться домой.

Этим же утром, ровно в восемь, Джейсон сидел за большим столом в столовой Уиндемов, где уже был накрыт завтрак, и молча оглядывал людей, которые приняли его в дом много лет назад. Супружеская чета и их дети – двое мальчиков и две девочки – за это время стали ему очень дороги. Но наверное, пришла пора расстаться.

Он кашлянул, привлекая их внимание, моля Бога, чтобы прекрасные умные мысли болезненно превратились в слова и легко сорвались с его языка, чего, естественно, не получилось. Ком в горле разросся до размеров скакового круга.

– П-пора, – хрипло выдавил он.

При этом он не сознавал, что очень похож на слепого, который внезапно обрел зрение. Обрел и сам не знал, что теперь с этим делать. Как ни странно, язык перестал повиноваться. И вылетевшее из горла единственное слово повисло зловещим туманом в столовой Уиндемов.

Джеймс Уиндем, не понимая причины столь странного поведения, вопросительно вскинул темно-русую бровь:

– Пора? Ты о чем? Снова собираешься обогнать Джесси на скачках? Неужели тебе недостаточно всего того, что ты уже успел претерпеть от этой негодницы? Даже Ловкач не доводил тебя до такого состояния.

Джейсон немедленно попался на эту удочку.

– Как ты всегда утверждал, Джеймс, она очень тощая, весит не больше, чем ваша Констанс, поэтому всегда приходит первой. И никакое искусство жокея тут ни при чем.

– Ха-ха! – фыркнула Джесси Уиндем. – Да на вас смотреть жалко! Вечно жуете все те же старые, давно приевшиеся причины и предлоги. По-моему, вы оба видели, как я скакала

на Ловкаче – собственном коне Джейсона. Мы мчались так быстро, что ветер развеивал вам волосы! Все, на что способен Джейсон, сидящий на Ловкаче, – поднять легкий бриз, который и листочка не пошевелит!

«Ничего не скажешь, увесистая оплеуха», – подумал Джейсон и широко улыбнулся Джесси.

– Папа прав, – заявила семилетняя Констанс, но, немного поразмыслив, все же добавила: – Хотя... возможно, мама весит немного больше меня. Но, дядя Джейсон, вы похожи на папу. Слишком тяжелы, чтобы выступать в скачках. У коня ноги едва не подламываются под вашим весом. Жокеи должны быть малорослыми и худыми. Пусть бабушка твердит, что это позор, когда мама показывает свои ноги всем посторонним мужчинам, которые на нее глазят, а не сидит с шитьем в гостиной, я все равно не согласна. И та же бабушка вечно жалуется, какая мама тощая, хоть и родила четверых, а это уж совсем несправедливо!

Одиннадцатилетний Джонатан Уиндем, старший из детей, согласно кивнул:

– С твоей стороны, Конни, было несколько грубо высказываться таким образом, а бабушке не стоило бы так оскорблять маму, но факт остается фактом. Мама – женщина, а женщины не должны состязаться с мужчинами.

Джесси кинула в него кусочек тоста. Джонатан со смехом увернулся.

– Мама, ты же знаешь: джентльмены не выносят, когда ты приходишь первой. Однажды я стал свидетелем, как папа едва не заплакал, когда ты в последний момент обогнала его у самого финиша.

– С другой стороны, – вмешался Джейсон, – все, кого я знаю, уверены, что вы родились в седле, и кому какое дело, что у лучшего в Балтиморе жокея имеются гру... э... не важно, я не то хотел сказать.

– Именно так мне и казалось, мама.

– Господи Боже, надеюсь, что нет, – пролепетал Джейсон.

– Я тоже на это надеюсь, – кивнула Джесси. – Нет, не уточняй, по-моему, и без того сказано достаточно.

Джонатан принялся стряхивать крошки тоста с рукава пиджака, и только младшая сестренка Элис заметила коварный блеск его опущенных глаз.

– Как я уже говорил, матушка, ты жесткий наездник, никого не щадишь на пути, а при необходимости становишься злее змеи, но все же подумай: разве искусно заштопанная простыня не приносит куда больше удовлетворения, чем...

– Мне больше нечем швырнуть в тебя, Джон... Впрочем... мне под руку случайно попалась премиленькая тяжелая вилка, – обрадовалась Джесси, целясь вилкой в сына. – Предлагаю ретироваться с миром, или последствия могут быть весьма тяжелыми.

– Сдаюсь, – вздохнул Джонатан, беспомощно поднимая руки и едва не до ушей растягивая губы в улыбке. – Прошу пощады и ретируюсь.

– Пола, дядя Джейсон? Сто именно пола? – очаровательно прокартавила четырехлетняя Элис, подавшись к нему всем тельцем.

Если бы они не сидели за столом, она уже успела бы взобраться к нему на колени и свернуться калачиком, как привыкла с самого раннего детства. Он не знал, что сказать: в голове было пусто. Не слыша ответа, Элис вскинула голову. На длинных кукольных ресницах повисли две огромные слезы.

– Сто-то случивось, павва? Ты больсе нас не любис? Хопес застлелить маму, потому сто она тебя побива?

Джейсон смотрел в прелестное личико, лихорадочно пытаясь найти нужные слова, но, как назло, ничего не получалось.

– Я очень люблю вас всех, – выдавил он наконец. – И буду всегда любить. Дело в том... – И тут наконец правда вышла наружу. – Дело в том, что я хочу вернуться домой. Пора. Я отплываю в пятницу на «Дерзком приключении», одном из кораблей Дженни и Алека Карриков.

В комнате мгновенно воцарилось мертвое молчание. Все, включая Джошуа, повара Уиндемов, как раз принесшего Джесси свежих тостов, уставились на Джейсона. Горничную Люси, подававшую на стол, так потрясли слова красивого молодого господина, что она чуть не пролила кофе на брюки мистера Уиндема. Джеймс едва успел перехватить руку девушки.

– Домой? – удивилась Элис. – Но ты дома, дядя Джейсон.

Он улыбнулся маленькой фее, родившейся после его прибытия в Балтимор и как две капли воды похожей на мать.

– Нет, милая, это не мой дом, хотя я пробыл здесь дольше, чем следовало бы. Мой дом – Англия. Я родился там, в чудесном доме, названном Нортклифф-Холл. Там и сейчас живет моя семья, и там я провел двадцать пять лет своей жизни.

– Но ты наш, дядя Джейсон! – расстроился девятилетний Бенджамин Уиндем, незаметно сунув кусочек зажаренного бекона Старому Коркеру, домашней гончей, родившейся на неделю позже Бенджамина. – Эта самая Англия давно стала для тебя чужой. Кому нужен дурацкий Нортклифф-Холл? Мы тоже могли назвать наш дом каким-нибудь пышным именем, если бы ты нас попросил.

– Мы так и сделали, беконная голова, – презрительно бросил Джон. – Уиндем-Фарм, разве не слышал?

– У нас немало родных в Англии, – объяснил Джеймс сыну, не отрывая глаз от лица Джейсона.

И тут его, похоже, осенило.

– Знаете, по-моему, пора бы и нам посетить Англию. Время идет незаметно, верно? Месяцы и годы катятся под горку и куда-то исчезают. Почти пять лет. Просто поразительно, Джейс. Кажется, только вчера мы встречали тебя на пристани Иннер-Харбор, и Джесси не сводила с тебя глаз. Все твердила, что ты куда красивее Алека Каррика и Господь не создавал ничего прекраснее. Правда, упомянула, что у тебя есть брат-близнец, а значит, в мире есть твоя точная копия. И скажу тебе, я благодарен Богу, что она не свалилась в обморок, – жизнерадостно улыбнувшись, заметил он.

– И ты так хорошо помнишь мои слова? – язвительно осведомилась Джесси, изогнув темно-рыжую бровь.

– Разумеется. Я помню каждое произнесенное тобой слово.

Джесси издала сдавленный звук, и четверо ее отпрысков дружно захихикали.

В этот момент Джеймс испытывал невыразимую печаль, смешанную со странной радостью. Очевидно, Джейсон сумел примириться с прошлым.

– Дядя Джейсон красивее, чем тетя Гленда, – заключила Констанс, широко улыбаясь и показывая дыру на месте выпавшего переднего зуба. – Его красота ей покоя не дает. Когда она не смотрит на дядю Джейсона, значит, немедленно бежит к зеркалу, пытаясь сообразить, как бы переплюнуть его. Однажды я посоветовала ей бросить эту затею. Она швырнула в меня щеткой для волос.

Джеймс неловко откашлялся.

– Конни, ты смущаешь дядюшку Джейсона, так что давай лучше о другом. Маркус и герцогиня были здесь в прошлом году, а Норт и Кэролайн Найтингейл – в позапрошлом. Так что теперь наша очередь побывать в Англии и повидаться со всеми, включая твою семью, Джейсон. Мне хочется посмотреть, упадет ли в обморок моя жена при виде твоего брата. И ты столько рассказывал детям о Холлисе, что они надеются получить от него памятные таблички. Ну и ты, разумеется, соскучился по родителям.

– Но у них ужасно смешной выговор, – запротестовал Бенджамин. – Как у дяди Джейсона. Не хочу я туда ехать!

– Считай это новым приключением, – посоветовала мать.

– Вот именно, Бен, – поддакнул Джейсон.

Наверное, и для него это будет приключением... Он развалился на стуле и сложил руки на впадлом животе.

– Все мои родные встретят вас так же радушно, как встретили меня вы. – Он помедлил, взглянул в сторону Джеймса и Джесси и пожал плечами: – В январе мне исполнится тридцать.

– Но пока тебе всего двадцать девять, так что ты не так уж стар, дядя Джейсон, – заметил Бенджамин. – Вот когда будешь таким же старым, как папа, тогда и вернешься.

– Твоему отцу всего тридцать девять. Не такой уж преклонный возраст, – с некоторым раздражением ответила Джесси, но тут же немного растерянно добавила: – Мне почти тридцать один. Я больше чем на год старше тебя, Джейсон. Господи Боже, куда бежит время?!

– А знаете, что у меня уже двое племянников-близнецов? Им уже почти три года, а я еще их не видел! – пожаловался Джейсон.

– Да, – задумчиво вздохнула Джесси. – И они наверняка точные копии отца. А значит, и твои.

Джейсон кивнул:

– Брат написал, что родилось еще одно поколение, как две капли воды похожее на тетю Мелисанду.

Джеймс так остроумно описывал, как это сходство едва не свело с ума деда, и Джейсон ясно представлял улыбку близнецов и несчастное лицо своего родителя. Так много писем за все это время, а он начал отвечать на них только три года назад. Первые два года, проведенные здесь, он отделялся короткими фразами: ничего важного, ничего интересного, но тогда его жизнь казалась такой унылой. Правда, потом все начало медленно меняться. Он начал читать между строк еженедельно приходившие от родных письма, понял, что значат для него родные, и ответные письма становились длиннее и, возможно, интереснее, потому что отныне он вкладывал в них частичку своей души.

– Да, – улыбнулась Джесси. – Мы знаем. Я словно давно знакома с твоей семьей, так что мы встретимся со старыми друзьями.

До сих пор Джейсону в голову не приходило, что он так много рассказывал о семье.

– Но почему же твои лодные никогда не плещают сюда? – спросила Элис. – Они тебя не любят? Поэтому отошляли тебя к нам?

– Нет, Элис, они очень хотели меня навестить. Но, честно говоря, это я просил их не приезжать. И никто не отсылал меня сюда, – заверил он.

И, помедлив, признался:

– Я сам себя отослал.

– Но почему? – допытывался Джонатан, подавшись вперед и положив руки на стол, поскольку весь бекон уже был скормлен Старому Коркеру.

– Пять лет назад случилось кое-что, очень дурное, – медленно выговорил Джейсон. – И я был во всем виноват. Только я.

– Ты убил человека на дуэли, дядя Джейсон? – выпалил Бен, сверкая глазами и готовый в любую минуту сорваться со стула.

– Прости, Бен, ничего подобного не было. Я навлек зло на родных, и это зло едва их не уничтожило.

– Ты пливел домой дьявола, дядя Джейсон?

– Что-то вроде этого, Элис. И, как я ни старался, не сумел найти в своей жизни ничего хорошего. И не смог больше встретиться лицом к лицу с людьми, которых подверг опасно-

сти. Поэтому я попросил у твоих родителей разрешения приехать сюда и учиться разведению породистых коней.

Джесси знала, что детям не понять всего этого... да и она сама не слишком много понимала. Но, видя, что они готовы засыпать его вопросами, быстро встала:

– Ты помог нам куда больше, чем мы – тебе. И хотя мы с Джеймсом из кожи вон лезли, чтобы наполнить этот чертов дом... – она выразительно обвела рукой собравшихся за столом детишек, – места для тебя оставалось больше чем нужно.

– О нет, – покачал головой Джейсон, – вы с бесконечным терпением обучали меня.

– Не будь болваном, – отмахнулся Джеймс, но тут же повелительно поднял руку, заметив, что ребятишкам не терпится выговориться. – Нет-нет, дети, никаких разговоров. И никаких попыток заставить дядю Джейсона почувствовать себя виноватым за то, что покидает вас. Он принял твердое решение, и мы все должны это решение уважать. Все вопросы отменяются. Нет, Джон, вижу, как трудится твой неутомимый мозг. Повторяю, больше ни одного вопроса и попыток заставить его почувствовать себя виноватым. Кроме того, мы навестим его в Англии. И знаете что? Он обязательно придет к нам, и не раз. Не сумеет удержаться. Наверняка снова попытается обогнать вашу матушку на скачках.

– Но почему ты не хочешь, чтобы твои лодные плieхави сюда? – не выдержала Элис.

Она сидела на стопке из шести книг, чтобы дотянуться до стола. В верхнем, толстом томе была напечатана статья Джеймса, лорда Хаммерсмита, брата Джейсона: исследование гигантских оранжевых скоплений газов, ярко сиявших три ночи подряд в ядовитой атмосфере северного полушария планеты Венера. Явление можно было наблюдать в апреле прошлого года.

Отец Элис уже открыл было рот, чтобы пожуричь девочку.

– Нет-нет, все в порядке, – поспешно вмешался Джейсон. – Это хороший вопрос, Элис, и я хочу на него ответить. Поймите, моя семья не хотела, чтобы я уезжал в Америку. Они не винили меня в случившемся, хотя и стоило бы.

– Но что же стряслось? – не выдержал Джонатан.

Джеймс Уиндем молча поднял глаза к небу.

– Достаточно знать, Джон, что это было ужасно. Мой отец, Холлис и брат Джеймс едва избежали смерти, и во всем был виноват я. Нет, они хотели приехать, но понимаете... – Он осекся, пытаясь найти нужные слова. – Дело в том, что я не был готов встретиться с ними. Полагая, взглянуть на них означало ощутить собственную слепоту. Сказано неуклюже, но довольно точно...

– Хватит, дети. Хватит, – велел Джеймс.

Джесси поднялась и хлопнула в ладоши.

– А теперь придержите языки, хотя я понимаю, как это трудно. Дядя Джейсон все обдумал. И оставьте его в покое. Кстати, все знают, чем нужно заняться после завтрака, так что принимайтесь за дело, и никаких жалоб. Джеймс, Джейсон, вы, джентльмены, пройдете за мной в гостиную.

Усевшись на диване, она обратилась к молодому человеку, которого полюбила, как брата:

– Джейсон, теперь все образуется. Сомневаюсь, что дети от тебя отстанут, так что без церемоний приказывай им замолчать. Поступай, как сочтешь нужным. Сегодня у нас четвертое апреля. Через две недели ты будешь дома. Мы приедем в Англию в августе и обязательно навестим тебя. Что ты думаешь об этом, Джеймс? Мы сможем освободиться к августу?

Джеймс кивнул:

– Превосходно, дорогая. Интересно, что мы тезки с твоим братом, Джейсон.

– Да, – вздохнул тот, – я почти полгода привыкал звать совершенно постороннего человека именем моего брата.

Он замолчал, пристально вглядываясь в лица людей, ставших для него родными.

– Не помню, говорил ли я вам, как много вы для меня значите, вы и дети. Я не родственник вам, но вы, не колеблясь, приняли меня в семью и научили всему, что знаете сами. А ты, Джесси, столько раз сбивала грязь с моих каблуков и заставляла увидеть хвост своего коня на скаковом кругу и при этом весело смеялась, ничуть не заботясь о том, что ранишь мое хрупкое мужское самолюбие.

– Это потому, что у Джеймса самое хрупкое мужское самолюбие во всем Балтиморе и твое не идет с ним ни в какое сравнение.

– Ну разумеется, мы не будем говорить о невероятном женском самомнении, – вставил Джеймс. – А ты, Джейсон, очень быстро стал членом нашей семьи, но все остальное – вздор. Все, чему мы могли тебя научить, ты усвоил в первый же год. Ты настоящий волшебник во всем, что касается лошадей, а они только что не разговаривают с тобой, словно знают, что ты на все готов ради них. Трудно объяснить это словами, но я знаю, что, если ты и в Англии возьмешься за разведение чистокровных коней да еще станешь выставлять их на скачках, успех будет невероятным.

Джейсон растерянно уставился на него.

– Он прав, Джейсон, – согласилась Джесси. – А где же ты собираешься обосноваться?

– В окрестностях Истборна. Рядом с Нортклифф-Холлом, отцовским домом. С тех пор, как пять лет назад отец заставил мою бабушку перебраться во вдовый дом, Джеймс, Корри и их близнецы живут в Нортклиффе, – пояснил Джейсон и, криво улыбнувшись, добавил: – Чтобы вам лучше понять, почему отсутствие моей бабушки в большом доме так повлияло на жизнь всей семьи, достаточно сказать, что знакомство с твоей матерью, Джеймс, живо напомнило мне эту почтенную леди. Такое впечатление, словно я не расставался с бабушкой. Поэтому ее переезд стал неподдельным счастьем для родителей и брата. Она была весьма воинственно настроена по отношению к моей матери и Корри.

– О Боже, – почтительно ахнула Джесси. – Значит, твоя бабушка и моя свекровь в чем-то схожи?

– Да, но моей не хватает осмотрительности Вильгельмины. Она всегда говорит то, что думает, и с неподдельным энтузиазмом охотится на своих жертв.

– Мы просто счастливы, что видим ее не чаще раза в неделю, – честно призналась Джесси. – Если ты еще не понял, она меня ненавидит. И вечно с невинным видом говорит гадости. Иногда мне даже хочется, чтобы она, как твоя бабушка, высказалась напрямик.

– Собственно говоря, нужно быть полной тупицей, чтобы не понять, что тебя облили грязью с головы до ног, – засмеялся Джеймс.

– Моя бабушка, как и Вильгельмина, ненавидит всех женщин в семье. Единственная, кого она не изводит, – это моя тетка Мелисанда, – пояснил Джейсон и со вздохом добавил: – Но я отчаянно хочу увидеть родителей, брата, Корри и племянников. И самое странное, что понял это только сегодня утром.

– До или после того, как покинул дом Люсинды? – насмешливо осведомилась Джесси.

– По правде говоря, до, – сухо сообщил Джейсон с самым бесстрастным выражением лица. – Она очень удивилась, когда я вылетел из постели так быстро, словно сам сатана гнался за мной.

– Нам будет не хватать тебя, Джейсон, – призналась Джесси, беря мужа за руку. – Но в августе мы снова будем вместе.

Она храбро улыбнулась, сморгнула слезы и бросилась в объятия Джейсона.

– Я всегда хотела иметь брата, и Господь наконец исполнил мое желание.

– Он и мне дал брата, – согласился Джеймс. – Благородного, порядочного и умного. Что бы ни случилось пять лет назад, Джейсон, пора бы забыть прошлое.

Джейсон не ответил.

– Жаль только, что ты так чертовски красив, – поспешно добавил Джеймс, осознав, что Джейсон вовсе не готов забыть прошлое.

Джесси, смеясь, откинулась на руки Джейсона.

– Это верно! Все женщины от пятнадцати до ста лет бросаются к твоим ногам, и даже не пытаются это отрицать. Ты и не поверишь, сколько дам уговаривали меня замолвить за них словечко! Все желали стать моими лучшими подругами и навещать меня. Как я уже сказала, вторым идет Алек Каррик. Интересно, что он об этом думает?

– Можешь поверить, – вздохнул Джейсон, – что он, как и я, не придает никакого значения внешности. Мало того, считает свою физиономию чертовой помехой в отношениях с людьми. Да и кто обращает внимание на лица?

Джесси даже не посчитала нужным ответить на подобную глупость.

Джейсон, помедлив, снова обнял Джесси.

– Видишь ли, я всегда мечтал иметь сестру. И знаешь, у тебя волосы такие же рыжие, как у моей матери. И хотя твои глаза зеленые, а ее – голубые, вы очень похожи. Она самая красивая женщина на свете. – Он коснулся толстой огненно-рыжей косы Джесси, ниспадавшей почти до талии, и неловко пробормотал: – Если красивые лица вообще имеют какое-то значение. Но спасибо тебе и Джеймсу. Огромное спасибо вам обоим за то, что вернули меня к жизни.

Глава 2

Нортклифф-Холл

Окрестности Истборна, Южная Англия

Джейсон направил Ловкача к вдовьему дому, высившемуся в конце аллеи. Корри писала, что отсюда до Нортклифф-Холла было достаточно далеко: добрых триста футов. Верная гарантия того, что бабка не ворвется в дом, не устроит, по обыкновению, скандал, чтобы потом как ни в чем не бывало величественно выплыть из парадной двери, улыбаясь во весь рот и беззастенчиво показывая три-четыре еще оставшихся зуба. Поразительная энергия для ее восьмидесяти лет! Что ни говори, а она даже старше Холлиса.

И все же Джейсон хотел увидеть ее, обнять и поблагодарить Бога за то, что у нее все еще хватает сил злиться и делать пакости ближним. Возможно, огромные количества уксуса в организме сохраняют здоровье и способствуют долгой жизни.

Перед самым отъездом из Балтимора Джейсон получил письмо от отца. Тот писал, что Холлис по-прежнему может похвастаться избытком волос и зубов. Джейсон был втайне благодарен Господу, что Холлис, как и его бабка, все еще жив.

Джейсон привязал к столбу Ловкача, который был так счастлив оказаться дома, что поминутно закидывал голову и нюхал воздух. Джейсон обнял коня за шею, и тот тихо заржал. Он прекрасно перенес двухнедельное плавание.

– У тебя, старина, больше сердца и мужества, чем у любой другой лошади в мире, – прошептал Джейсон, оглядывая увитый плющом домик в стиле королевы Анны с прилежавшим к нему чудесным садом, за которым скорее всего ухаживала его мать.

Интересно, дождалась ли она хоть слова благодарности от бабки? Весьма сомнительно.

Джейсон с улыбкой стукнул в дверь ярко начищенным медным молотком. И не поверил глазам, когда на пороге появился Холлис. Старик вытаращился на него схватился за грудь и прошептал:

– О Боже... это в самом деле вы, мастер Джейсон? После стольких лет... это действительно вы? О, мой дорогой мальчик, мой бесценный мальчик, ты наконец вернулся!

С этой чувствительной тирадой он бросился в объятия Джейсона. Тот потрясенно осознал, что Холлис словно стал намного меньше ростом, чем ему казалось. Поэтому он с величайшей осторожностью обнял старика. Глубокого старика: ведь и отец Джейсона знал его почти всю свою жизнь! Но слава Богу, в худых старческих руках еще осталось немного силы!

Джейсон с наслаждением вдохнул его запах, тот же самый запах, который помнил все свои двадцать девять лет: смесь лимона и пчелиного воска – и прошептал:

– Ах, Холлис, мне так тебя не хватало. Я каждую неделю получал твои письма. Отец, мама, Джеймс и Корри тоже писали. Прости, что не сразу стал отвечать, но...

Старик нежно сжал ладонями лицо питомца.

– Все в порядке. Если не чувствуешь себя виноватым, не стоит извиняться. Ты вот уже три года отвечаешь на мои письма, и этого вполне достаточно.

Угрызения совести клещами сжали горло Джейсона, но в мудрых маленьких глазах Холлиса светились такая любовь и понимание, что он, вместо того чтобы броситься к ногам двоюродного, снова обнял старика.

– Я дома, Холлис. Я вернулся навсегда.

– Холлис! Что там у тебя? Кто пришел! Я позволила тебе заодно с дневным моционом приносить мне булочки с орехами, а что ты наделал? Привел с собой какого-то бродягу? Потихоньку кормишь моими булочками всякую шваль, верно, Холлис? Какая невероятная наглость! Джейсон узнал этот скрипучий голос.

– Некоторые вещи с годами не меняются, – ухмыльнулся он, когда Холлис почтительно отступил, закатил глаза с видом бесконечного смирения и нескрываемого сарказма и почти-тельно откликнулся:

– Мадам, это ваш внук. Клянется, будто явился не затем, чтобы похитить ваши булочки с орехами, а исключительно с целью повидать вас.

– Джеймс здесь? С чего бы это вдруг?! Насколько мне известно, так называемая женушка старается держать его подальше от моего дома! Я точно это знаю. Эта глупая девчонка еще навлечет бесчестье на семью, вот увидите! Совсем как ее свекровь, потаскушка, которая обманом завлекла моего Дугласа и отказывается стареть, как подобает порядочной женщине!

Джейсон поднял глаза и увидел бабуку, медленными крошечными шажками продвигавшуюся к парадной двери. Очевидно, сил у нее осталось мало, поскольку она тяжело опиралась на отполированную до зеркального блеска трость с набалдашником в виде фигурки колибри. Сквозь редеющие снежно-белые волосы, завитые тугими локончиками, просвечивала розовая кожа.

– Это не Джеймс, бабушка. Это я, – отозвался Джейсон, подходя к старушке, чьи глаза, как всегда, сверкали умом и злобой.

Та остановилась как вкопанная и уставилась на внука.

– Джейсон... Ты ведь не Джеймс, притворившийся Джейсоном, верно? И я не потеряла остатки разума? Это действительно ты?

– Действительно я.

Он поспешно подскочил к внезапно пошатнувшейся бабуке, нежно обнял и понял, что она еще более хрупка, чем Холлис. Старые кости, казалось, готовы хрустнуть от любого сильного порыва ветра. Сухие, плотно сжатые губы припали к его шее. Он потихоньку отстранился и взглянул в лицо старушки, от губ которой шли вниз две глубокие морщины. Что же, вполне естественно: ведь она вечно отчитывала любого, кто попадался ей на глаза, и никогда не улыбалась. К его невероятному удовольствию, эти тонкие губы раздвинулись в легкой улыбке!

– Мой прекрасный Джейсон! – прошептала она, потрепав его по щеке, и снова поцеловала.

Взгляд неожиданно сделался испытующим, а голос – таким мягким, какого он еще в жизни не слышал:

– Ты простил себя, мальчик?

Он продолжал смотреть в это мятежное старое лицо, но вместо перца и уксуса видел безмерное сочувствие и любовь к нему. И не мог это осознать. Так же, как не понимал, почему, не заезжая в родной дом, приехал сюда, чтобы увидеть ее, хотя получал письма всего дважды в год: одно – перед его днем рождения, другое – незадолго до Рождества.

– Ты запретил отцу и брату приезжать в Америку, – заметила она, снова глядя внука по щеке. – И очень долго не отвечал на письма, вернее, отделывался бессмысленными фразами.

– Не был готов к общению.

– Отвечай, Джейсон. Ты простил себя?

– Простил себя?

– Вот именно. По причине, никому не ведомой, кроме Джеймса, который утверждал, что понимает тебя, хотя и считает неправым, ты винил себя за случившееся. Это, разумеется, чистый вздор и скорее всего подходящий предлог, чтобы пожалеть себя, поскольку ты мужчина, а, как известно всем, мужчины обожают упиваться жалостью к себе, лакать ее, как котята – молоко. И делают это намеренно, чтобы женщины, имевшие несчастье полюбить их, часами ободрали возлюбленных, гладили по головке...

– Заливали их внутренности чаем, подносили булочки и смотрели сквозь пальцы на их измены, – докончил Холлис. – Кажется, я успел наизусть выучить эту проповедь.

– Ха! Ты слишком умен, Холлис. Это не к добру, – прошипела старуха, пытаясь ударить его тростью.

А вот это уже более походит на бабушку, которую помнил Джейсон.

– А у тебя не найдется бренди, чтобы залить мои внутренности? – осведомился Джейсон, широко улыбаясь.

– Разумеется, но думаю, тебе лучше попробовать одну из моих ореховых булочек. Ты, конечно, проезжал мимо и унюхал аромат, доносившийся из окна, хотя окна должны быть закрыты, чтобы не пропускать вредных испарений.

– Честно говоря, ничего я не унюхал, – признался Джейсон. – И вообще за пять лет ни разу не видел булочки с орехами. Я приехал, потому что хотел увидеть тебя. Э... можно мне попробовать хотя бы одну булочку, если уж и я, и булочки одновременно оказались здесь?

Старуха на несколько минут призадумалась. Действительно призадумалась, взвешивая, стоит ли делиться с ним булочками. Он видел это в молодое блестящих глазах.

– Холлис, старый осел, неси булочки в гостиную! – неожиданно завопила она, брызгая слюной. – Да, мальчик, я решила, что, поскольку здесь не меньше полудюжины, ты вполне можешь съесть одну. Холлис, твоя тощая фигура только сейчас маячила здесь. Куда это ты пропал? Опять твои штучки? Пытаешься засунуть себе в глотку мою булочку? Клянусь, это так и есть! Воображаешь, что я слова не скажу, раз уж мой бесценный мальчик вернулся домой?

Несмотря на угрозы, она широко улыбалась. Но при взгляде на Джейсона улыбка исчезла.

– Значит, не хочешь отвечать? Ладно, потерплю. Наверное, ты еще сам не понял, что творится в твоём сердце.

Принесший бренди Холлис не верил своим глазам. Госпожа обращалась с внуком так нежно, как ни с кем и никогда за всю свою жизнь. Но, услышав ее слова, он просто взбесился:

– Значит, вы позволите мастеру Джейсону съесть булочку, мадам? И это после того, как за все годы верной службы мне ни разу не предложили ничего подобного?!

Вдовствующая графиня презрительно оглядела верного слугу.

– Я всегда пересчитывала булочки с орехами, которые ты мне приносил. Вместо полудюжины их всегда оказывалось четыре-пять. Сколько раз ты воровал у меня булочки? И не пытайся это отрицать, Холлис!

Холлис молчал. Старуха наконец кивнула, и на лоб упал серебряный локон.

– Так и быть, Холлис, я не стану сегодня журить тебя. Взгляни на свою физиономию: совсем как у голодающего монаха. Уже забыл, как на прошлой неделе одна булочка исчезла с этого чудесного закрытого блюда? Хм... пожалуй, тоже можешь съесть одну. Но подавай их немедленно, иначе я возьму назад свое предложение.

Старуха отпустила Джейсона и дважды стукнула тростью об пол, готовясь двинуться в гостиную.

Холлис выпрямился, расправил плечи и, такой же статный и величественный, как всегда, прошествовал по коридору, в укромный уголок дома, чтобы принести булочки. На ходу дворецкий бормотал, что чудеса случаются и, похоже, перед смертью он все же попробует ореховую булочку. Интересно, знал ли он, что под лестницей прячутся две горничные, готовые в любую минуту прийти на помощь, даже если старик не догадается ни о чем попросить?

– Бабушка, могу я предложить тебе руку? – учтиво осведомился Джейсон.

– Разумеется, мальчик мой. Все лучше, чем цепляться за Холлиса. Он и сам еле передвигается. Спит на ходу.

Глава 3

Нортклифф-Холл

Этим вечером в гостиной повисла неловкая тишина. Напряжение искрило в воздухе, напряжение, насыщенное глубочайшим сочувствием, невысказанными тревогами и незадачными вопросами. Но тут на пороге появилась Корри с чисто вымытыми близнецами на руках. Ангельские личики сияли возбуждением. Как же, им давно полагалось бы лежать в постелях рядом с храпящей нянькой, а они все еще не спят!

– Дядя Джейсон, это снова мы!

Дуглас Саймон Шербрук, который был старше брата-близнеца на одиннадцать минут, вырвался и, неуклюже перебирая ножонками, побежал к Джейсону. Тот поймал малыша и подбросил над головой.

– Вижу, что это вы, – пробормотал он, прижавшись носом к шейке Дугласа.

От него пахло так же, как от Элис Уиндем после вечернего купания. На глазах вдруг выступили слезы. Он по-детски шмыгнул носом, и в этот момент кто-то дернул его за штанину. Это оказался Эверетт Плезант Шербрук, готовый то ли заорать, то ли горько заплакать. Пришлось подхватить и его. Джейсон прижал к себе малышей, позволив им гладить себя по лицу, награждать мокрыми поцелуями и непрерывно трещать о чем-то своем. Близнецы прекрасно понимали свою недоступную взрослым тарабарщину, совсем как когда-то он и Джеймс.

Наконец Дуглас, немного устав, объявил:

– Все говорят, ты ужасно похож на папу и тетю Мелисанду, но, дядя Джейсон, это вовсе не так.

– Верно, Дуглас. Я немного отличаюсь от твоего папы, но все же не слишком, правда, Эверетт?

Второе поразительно красивое личико задумчиво сморщилось.

– Нет, дядя Джейсон, ты похож на себя самого и на меня тоже. Не то, что Дуглас. Он совсем как папа. Да-да, именно. У нас с тобой одно лицо.

При этом его глаза лукаво блестели, в точности как у Корри.

Снова чмокнув Джейсона в шею, Дуглас признался:

– Дедушка просто не выносит, когда кто-то говорит, что я – копия папы и тети Мелисанды. Она всегда приносит мне и Эверетту маленькие миндальные печенья, когда приходит в гости. Дедушка говорит «Ад и проклятие», и что он никогда не избавится от лица. Что это за лицо, дядя Джейсон?

Отец громко застонал, мать столь же громко рассмеялась. Джейсон, вскинув брови, повернулся к отцу:

– Ругаться в присутствии малышей?

– У них такой же острый слух, как был у вас с Джеймсом в этом возрасте, – заметил Дуглас Шербрук, граф Нортклифф, подтолкнув локтем жену. – Спокойно, Алекс. Не верю, будто парни настолько малы, что до сих пор не узнали о семейном ругательстве Шербруков.

– Верно, – кивнула Корри. – Нет, только попробуй со мной не согласиться, Джеймс Шербрук. «Ад и проклятие» – неизменная прелюдия вашим попыткам сорваться с цепи. Представляешь, Джейсон, когда он злится на меня, – одному Господу известно, по какой причине, – и хочет выкинуть меня из окна, приходится довольствоваться семейным ругательством и убираться прочь из комнаты, подальше от ненавистной жены.

– Наглая, бессовестная ложь, – пожаловался Джеймс и громко откашлялся, когда близнецы уставились на него широко раскрытыми глазами. – Джейсон, не хочешь, чтобы я освободил тебя по крайней мере от одного из этих негодников?

Но оба негодника крепче вцепились в шею Джейсона, едва его не удушив. Джейсон покачал головой:

– Не сейчас. Итак, парни, отпустить вас или немного потанцевать с вами по комнате? Если хотите, ваша бабушка сыграет нам вальс на пианино.

– Танцевать! – завопил Дуглас, болтая ногами.

– Вальс! Вальс! – поддержал Эверетт, едва не оглушив Джейсона. – А что такое вальс?

Леденящее напряжение и тревоги, пусть и ненадолго, растворились в дружном хохоте. У Джейсона стало легче на душе. Покрепче сжав маленькие тельца и время от времени целуя розовые щечки, он принялся медленно вальсировать по комнате. И увидел, как мать, приподняв юбки, быстро подошла к пианино и заиграла вальс, который Джейсон два месяца назад слышал на балу в Балтиморе.

Джеймс Шербрук, лорд Хаммерсмит, старше своего брата на двадцать восемь минут, сидел на диване, с наслаждением ощущая теплый бок прижавшейся к нему жены, и смотрел на Джейсона. И ничуть не удивлялся тому, как естественно выглядит тот с двумя детьми на руках: Джеймс Уиндем часто писал, как хорошо ладит Джейсон с его четырьмя ребятами. Интересно, рассказал ли ему Уиндем о письмах, которые присылал сюда, в Нортклифф: сначала, чтобы ободрить семью, а потом – перечислить успехи Джейсона на скаковом кругу, сообщить о кобылах, выбранных для выведения чистокровок, чудесном жеребце, найденном для него Джейсоном, жеребце, принесшем Джеймсу целое состояние на скачках.

Но все письма не возместили потерянные годы.

Сердце Джеймса, казалось, вот-вот разорвется от бушующих эмоций. Но по крайней мере после двух лет равнодушных отписок брат немного пришел в себя и признал существование родных.

Малыш Дуглас прав: теперь никто не скажет, что эти двое – на одно лицо. Нет, черты остались прежними, но теперь их не спутаешь. Джейсон более... как бы лучше подобрать определение... более аскетичен, хотя ничуть не похудел, и перемены скорее можно назвать внутренними. Где-то в глубине глаз прячется страдание, и Джеймсу больно видеть это, хотя он все понимает.

Характеры у них всегда были разными. Но между ними существовала неразрывная внутренняя связь. Каждый чувствовал тревоги брата, точно знал, что тот испытывает в любую минуту. Но жизнь развела их, превратив в совершенно непохожих людей, которым вот-вот исполнится тридцать.

Джеймс глянул в сторону улыбавшегося отца. Почти шестьдесят, а волосы до сих пор густы и черны с небольшими проблесками серебра, чем он неизменно хвастался жене.

Джеймс заметил Холлиса, стоявшего в дверях и притоптывавшего ногой в такт вальсу. Он тоже улыбался. И в этой улыбке сияли любовь и облегчение, согревшие Джеймса до глубины души. Он лучше других знал, что ощущает Холлис.

Теперь Джеймсу оставалось понять, что у брата на уме. Но не сегодня. Его чудные, громкоголосые, требовательные малыши спасли вечер, превращавшийся в пытку молчанием, когда каждый боится сказать что-то, что может быть неверно истолковано.

– Я уже говорил тебе сегодня, что ты ужасно умна? – прошептал он Корри.

– Я не слышала ничего подобного с мая прошлого года.

Он погладил ее щеку.

– Ты сумела непонятно каким образом заставить замолчать Дугласа и Эверетта, и взгляни, что произошло: Джейсон вальсирует с ними.

– Похоже, мне ничего другого не оставалось.

Джеймс взял руку Корри, откинулся на спинку дивана и отдался теплу ее смеха.

Джейсон вернулся домой. Наконец, он вернулся домой, и это самое главное!

Глава 4

Братья стояли бок о бок на скале, выходившей на долину Поу, и неловко молчали.

– В детстве мы проводили здесь столько времени, – пробормотал наконец Джеймс. – Помнишь, ты так разозлился на меня, что швырнул с обрыва мой учебник?

– Помню, как сбросил книгу и засмеялся, когда ветер подхватил ее и унес... только вот понятия не имею, из-за чего вышла ссора.

– Да и я тоже, – засмеялся Джеймс.

– Зато помню, как вы с Корри любили валяться здесь в ясные вечера и любоваться звездами.

– Мы до сих пор удираем сюда. Мальчики слышали, как я толкую об Астрономическом обществе и о том, что мой телескоп недостаточно силен. К сожалению, теперь они требуют, чтобы мы брали их с собой. Можешь себе представить? Трехлетние сорванцы сидят смирно дольше тридцати секунд!

– Такого быть не может! – засмеялся Джейсон. – Элис Уиндем, четырехлетняя дочь Джеймса и Джесси, посмотрела бы на звезды и, обсосав палец, немедленно потребовала бы яблочного пирожного. Но не пройдет и нескольких лет, как вы четверо разляжетесь тут, как бревна в очаге, любуясь небесами.

Они снова замолчали. И тут Джеймс, не в силах вынести неопределенности, схватил брата и прижал к себе.

– Клянусь Богом, мне тебя не доставало. Словно часть меня самого мгновенно исчезла. До чего же трудно было жить без тебя, Джейсон!

Джейсон оцепенел. Застыл. Ровно на три секунды. Пока не увидел на лице Джеймса счастливое облегчение оттого, что он, Джейсон, едва не погубивший брата, вернулся домой. И это великодушие потрясло Джейсона. Не выдержав напряжения, он невольно отстранился. Почувствовал себя глупым, неуклюжим и таким несчастным, что в сотый раз пожалел о том, что содеянного не исправить, как бы ему ни хотелось. И ничего уже не изменишь.

– Прости меня, Джеймс, – хрипло выговорил он, – но мне так тяжело. До чего это похоже на тебя: не вспоминать о плохом. Принять меня таким, каков я есть. Примириться.

– Неужели не понимаешь? Мне ни с чем не пришлось мириться. Просто ни в чем тебя не винил. Ни я, ни остальные.

– Правда есть правда, – отмахнулся Джейсон. – Ты знал, что я не мог оставаться здесь после того, что натворил.

– Я знал, что ты испытывал, и понимал тебя, хотя для меня твой отъезд был невыносим. Для мамы с отцом – тоже. Без тебя пришлось очень трудно, Джейс. – Он помедлил, стараясь взять себя в руки, и перевел взгляд на зеленую долину Поу. – Теперь ты останешься дома?

– Да. Правда, постараюсь купить собственное имение. Хочу устроить там конеферму.

Джеймс ощутил порыв гордости за брата. Ему хотелось рассказать о письмах Уиндема, утверждавшего, что Джейсон творит чудеса с лошадьми и вскоре станет одним из лучших коннозаводчиков Британии.

– И что ты хочешь купить? – спросил он с небрежным видом.

– Что-нибудь поблизости от Нортклифф-Холла, разумеется.

Джеймс едва удержался от радостного вопля и, задышав свободнее, наградил брата само-довольной ухмылкой.

– Можешь не верить, Джейс, но старый сквайр Ховертон, – помнишь, мы прозвали его Старым Кальмаром, потому что у него всегда хватало рук, чтобы поймать тебя, сколько бы маленьких воришек ни роилось в его яблочном саду, – умер года два назад. А его сын Томас, вечно ругавшийся с отцом из-за денег, которые, по его мнению, сквайр бросал на ветер...

– Да, мне всегда хотелось швырнуть его в сточную канаву. Редкостный осел!

– Он и сейчас не изменился. Такой же глупец. Объявил о продаже поместья через минуту после похорон отца. Но покупатели не очень торопятся, поскольку Томас запросил слишком дорого, возможно, потому, что на него надели кредиторы. Я слышал, что он – завсегдатай всех игорных заведений в Лондоне.

Джейсон кивнул.

– К счастью, сквайр Ховертон употребил деньги на перестройку конюшен, загонов и стойл.

– Дом, возможно, потихоньку разваливается, но какая разница?! То есть жене было бы не все равно, но, поскольку ты не женат, значения это не имеет. Главное – состояние конюшен, земли и сосновых лесов. Не уверен точно, какова площадь поместья, но что-то около тысячи акров. Мы узнаем.

Джейсон не смог сдержать волнения.

– Какая удача! Спасибо доброму боженьке за таких мерзавцев, как Томас. Пойдем скорее, Джеймс, посмотрим, что там творится.

Уже через полчаса братья скакали по дорожке, ведущей к Лайонз-Гейт, когда-то одной из лучших конеферм в южной Англии.

– Помню, Томас всегда был наглецом и обижал младших, а это – верный признак слабости.

– Согласен. Томас скорее всего отчаянно нуждается в деньгах. Бьюсь об заклад, ты сможешь купить поместье по сходной цене. Если решишь, что тебе оно нужно, отцовский поверенный займется сделкой.

– Коварный Уильям Биббер?

– Да. Старик по-прежнему творит чудеса. Отец говорит, что он, как Холлис, – и мертвым будет работать. Так вот, Томас немедленно распродал лошадей. Не удивлюсь, если он сбыл и всю мебель из дома. Кредиторы, вероятно, заставили его избавиться и от серебра. Но погляди на конюшни, Джейсон. Даже отсюда они выглядят достаточно крепкими: немного краски, новые лошади, новое оборудование, лучшие в округе конюхи, умелое управление и хороший уход за лошадьми, и...

Джеймс осекся. Не стоит перегибать папку.

Но кровь уже пела в жилах. Оставалось только молиться.

– В общем, не так уж плохо все и выглядит, – заметил Джейсон, осматриваясь, – если учесть, что поместье было заброшено... Сколько времени? Больше года?

– Почти два.

– Этот Томас действительно никчемная личность, мот и игрок, но это нам только на руку, – объявил Джейсон с таким волнением, что Джеймсу захотелось петь.

Джейсон остановил коня перед аккуратным домиком из красного кирпича в георгианском стиле, со стен которого свисали порванные плети плюща. Дом окружали засохшие кусты. Осколки стекла из разбитых окон рассыпались по пересохшей земле.

– Так и вижу, как матушка потирает руки, представляя, как будет выглядеть сад, когда она все устроит. Перед этим она, разумеется, загоняет до полусмерти дюжину садовников, да так, что они еле ноги будут волочить!

– Подумай о цветах, – поддакнул Джеймс. – Клумбы будут переливаться всеми оттенками радуги!

Джейсон и сам потер руки, очевидно, мысленно нарисовав волшебную картинку.

– Надеюсь, здесь остался хотя бы один слуга, способный все показать.

– Скорее всего нет. Бьюсь об заклад, парадная дверь даже не заперта. Ничего, мы сами все обойдем.

В доме действительно стоял запах сырости и гнили. Вряд ли кто-то пытался заняться ремонтом с тех пор, как жена сквайра Ховертона умерла, рожая своего шестого ребенка, приблизительно в первой четверти века. Какая жалость, что выжил один Томас! Дом был полон призраков и теней и медленно разрушался. На высоких грязных или разбитых окнах криво висели рваные шторы.

– Пол, кажется, крепкий, – с сомнением заметил Джеймс.

– Давай поглядим, как там наверху. Можно ли ходить без опаски. А потом отправимся в конюшни, – предложил Джейсон.

Верхний этаж оказался непригодным для жилья. Влажный полумрак и непролазная грязь.

– Не думаешь, Джейсон, что здесь понадобится много белой краски?

– О да, не меньше чем с полдюжины банок. Идем отсюда, Джеймс, это зрелище меня угнетает.

– Зато цена сильно поползла вниз, – заверил тот, хлопнув брата по плечу.

Рядом с конюшнями находились четыре больших загона, обнесенных надежной оградой из дубовых досок. Все нуждались в покраске. Зато размеры были идеальны, а загон для выдержки лошадей перед выгоном на пастбище выходил прямо в огромную главную конюшню. Всего конюшен было три, каждая также отчаянно нуждалась в покраске, но два года назад они были в прекрасном состоянии, и Джейсон сразу увидел, что там все устроено на самый современный лад. Большая комната для хранения сбруи имела специально выделенное помещение для главного конюха. Несколько комнат поменьше предназначались для младших конюхов.

– Очень похоже на главную конюшню Уиндемов, – пробормотал Джеймс.

По обе стороны широкого прохода тянулись просторные стойла, по десять на каждой стороне. По полу были разбросаны клочки сгнившего сена и разрозненные части сбруи. Джейсон встал в центре, жадно втягивая в себя воздух.

– Стоит закрыть глаза, как вижу конские головы, кивающие над перегородками стойл, слышу ржание, когда разносят овес. Превосходно!

Джейсон подпрыгнул от радости.

В этот момент Забияка и Ловкач громко заржали.

– Что там? – удивился Джеймс, направляясь к выходу.

Большой ширококостный гнедой жеребец рыл копытом землю, злобно глядя на их коней: голова откинута, ноздри раздуваются, того и гляди бросится на врагов.

– Кто вы и какого дьявола здесь делаете? – окликнул девичий голос.

Глава 5

Только сейчас братья Шербрук догадались поднять глаза. На спине гигантского жеребца сидела девушка в брюках, пыльном кожаном жилете, надетом на белую рубашку с широкими рукавами, и старой, надвинутой на лоб шляпе.

– Ад и проклятие! – пробормотал Джеймс. – Да это прежняя Корри. Словно последних пяти лет не было! Точная копия, от шляпы до толстой косы, болтающейся на спине!

– Знакомое лицо, – медленно выговорил Джейсон. – Я знаю вас?

– Ну разумеется, болван вы этакий. Брови Джейсона взлетели на добрый дюйм. Девушка стащила шляпу. Пряди золотистых волос, выбившихся из косы, обрамляли лицо.

– Я действительно вас знаю, – повторил Джейсон. – Но кем бы вы ни были, простите мои дурные манеры. Это мой брат, Джеймс Шербрук, лорд Хаммерсмит.

– Милорд Хаммерсмит, – буркнула Холли, сдвинув шляпу на затылок, но не называя себя. – Я слышала, что вы близнецы и различить вас невозможно. Но это неправда. Позвольте заверить, милорд, что вы кажетесь куда более приличным. И вовсе не похожи на того, другого. Видели бы вы, как гордо он шествует по улицам Балтимора, с полным сознанием того, что каждая женщина в возрасте от восьми до девяноста двух останавливается и смотрит ему вслед, готовая на все, чтобы привлечь его внимание.

Джеймс, искренне восхищаясь необычной девушкой, так смело выставлявшей его братца полным дураком, весело заметил:

– Мадам, счастлив познакомиться с вами. Но я ничего подобного не слышал о своем брате. И насколько я помню, Джейсон просто не способен гордо шествовать по улицам. Придется попросить, чтобы он показал, как это делается.

– Дамы выбегают на крыльцо в ожидании, пока он пройдет мимо, – продолжала Холли. – Бросают на дорогу платочки, ридикюли и даже младших сестреноч. Не имели счастья наблюдать эту картину? Неудивительно, ведь он отсутствовал целых пять лет, так что вам не довелось видеть собственными глазами, как он расхаживает, выпятив грудь, во всем своем великолепии. Самовлюбленный осел! – Не дождавшись ответа на словесную пощечину, Холли громко продолжила: – Насколько я поняла, в следующем году вам исполнится тридцать. Может, тогда ваш мозг заработает в полную силу? Или вы настолько близоруки, что не замечаете очевидного?

Глядя на девушку, Джейсон искренне забавлялся. Прожив пять лет в обществе Джесси Уиндем, он давно привык к подобным выпадам. Но сейчас все дело было в том, что он никак не мог вспомнить, кто она, эта дерзкая девушка, и это, очевидно, ранило ее в самое сердце.

Джейсон покачал головой, глядя на ее жеребца, который, похоже, всерьез собирался откусить солидный кусок от крупа Забияки.

– Вам бы лучше сдать назад, пока мой Ловкач не сломал ему шею.

– Ха! Хотелось бы на это посмотреть!

Но все же она вынудила Шарлеманя попятиться, хотя тот всячески сопротивлялся. Немалое искусство требовалось, чтобы держать этого коня в узде. Джейсон молча отдал ей должное. Да кто она, черт возьми? Поразительно красивые золотистые волосы! Должен же он был запомнить девушку с волосами такого цвета!

– Но ваш Ловкач – прекрасный конь! И такой резвый! Интересно, вы когда-нибудь умудрились обогнать на нем Джесси Уиндем?

Значит, девушка видела его на скачках. И хотя выговор у нее явно британский, она, очевидно, бывала в Балтиморе.

– Ни одна лошадь не выстоит против Ловкача! А вот что касается Джесси... дело другое. Будь вы лучше знакомы с балтиморскими скачками, знали бы, что Ловкач почти всегда приходит первым.

Она уже открыла рот, чтобы достойно ответить, но луг вмешался Джеймс:

– Вы американка? Но выговор у вас британский. Почему?

– Собственно говоря, я англичанка. Моя семья живет полгода здесь и полгода в Балтиморе. Однако четыре года назад родители отослали меня сюда на постоянное житье. Считают, что мне просто необходима соответствующая полировка.

– И когда начнется полировка? – осведомился Джейсон, красноречиво оглядывая ее с головы до ног.

– Я слышала, что глаза – зеркало души и ум человека отражается именно в глазах. Но должна признаться, что в ваших ничего особенного не замечаю.

– Как же вы при таком плохом зрении сумели заметить мое триумфальное шествие по улицам Балтимора?

Девушка заносчиво вскинула голову и едва не потеряла шляпу.

– Очередная жалкая попытка достойно ответить? Я живу с дядей и тетей в Рейвенсуорт-Эбби. В отсутствие родителей они заменили мне семью.

– Берк и Эриел Драммонд? Граф и графиня Рейвенсуорт? – удивился Джеймс. – Вы – их племянница?

– Совершенно верно. Моя мать была сестрой графини. Она умерла, когда я родилась.

– Мне очень жаль, – пробормотал Джейсон.

– Но что вы здесь делаете? – вмешался Джеймс. – То есть что привело вас в имение Ховертонов?

Девушка надменно подняла подбородок, словно ожидая язвительного замечания, спора или даже драки. Джейсону не терпелось услышать, что она скажет.

– В декабре мне исполнится двадцать один год. Я взрослая женщина. И люблю лошадей.

– Теперь я вспомнил, – медленно выговорил Джейсон. – Это было очень давно, почти сразу после моего приезда в Балтимор. Та самая тощая девчушка, которая вечно пропадает на ипподроме. И вас постоянно кто-то разыскивал. Раз два вас приводила домой Джесси, но тогда вы играли с детьми. А потом мы больше не виделись. Ну да, Джесси упоминала, что вас отправили в Англию. Вы Холли Каррик, Я вернулся домой на «Дерзком приключении». Это один из пароходов вашего отца. Да, помню. Ваш отец отправился в Америку лет пятнадцать назад, чтобы купить верфь, а кончил тем, что женился на дочери владельца.

– Да, именно так все и было. Я приезжала в Балтимор три года назад, но тогда вы с Джеймсом Уиндемом отправились в Нью-Йорк закупать лошадей.

Джеймс посчитал, что она слишком уж хорошо знает о передвижениях брата, но мудро промолчал. Интересно, почему это так ее занимает.

– Позвольте мне вас поправить. Мой отец и Дженни, моя мачеха, вместе управляют «Каррик шиппинглайп». Именно Дженни построила «Дерзкое приключение».

– В самом деле? – удивился Джеймс. – Весьма впечатляюще. Но к делу, мисс Каррик. Почему вы оказались здесь?

– О, на это легко ответить. Я хочу купить Лайонз-Гейт. Так что это вы оказались на территории моего владения... то есть почти моего. Что вам здесь нужно?

Джейсон мигом встrepенулcя. Возмущению его не было предела. Не может быть!

Он стоял молча, уставясь на нелепую особу с золотыми волосами сказочной принцессы, которая вдруг превратилась в его врага.

– То есть как это вы намереваетесь купить Лайонз-Гейт?!

Она бросила сердитый взгляд на Джеймса, прислонившегося к двери конюшни.

– Ваш брат плохо слышит?

– Нет. Он просто потрясен. Вы девушка. И вам даже не следовало находиться здесь одной, а тем более наряжаться в лохмотья, которыми побрезговал бы последний конюх.

– Какое все это имеет значение? В отличие от мачехи и отца я не имею никакого желания строить суда или гонять их через Атлантику или Карибское море, – огрызнулась девушка. – Мистер Джейсон Шербрук, если бы вы обратили хоть малейшее внимание на тощую девчонку, то есть на меня, сразу поняли бы, что я помешана на лошадях не меньше вас. Конечно, даже пять лет назад вы уже были настоящим мужчиной, за которым гонялись все балтиморские дамы. А я? Кем была я, как не костлявой пятнадцатилетней дурочкой, которая не обращала на вас никакого внимания?

В голосе звучала откровенная горечь. Но тут она вдруг улыбнулась, показав чудесные белые зубы, и братьям почудилось, что сквозь низко нависшие тучи вдруг прорвалось яркое солнце.

– Да, я была застенчивой и худой как скелет. Скажите, удалось ли Люсинде Фротингейл, которая никогда не страдала ни тем, ни другим, заманить вас в постель? А Хорейс наверняка попытался вас укусить.

– Не хотите ли рассказать подробнее о Люсинде Фротингейл?

– Я получаю письма от братьев, сестер и родителей. Иногда Дженни называет имена дам, которые ненадолго сумели завладеть вами. Повторяю, ненадолго, ибо вы крайне непостоянны. Итак? Умудрилась Люсинда надеть на вас узду?

Она дерзко усмехнулась, и Джейсон неожиданно увидел лицо ее отца. Поразительно! Трудно сказать, унаследовала ли дочь его красоту, но если надеть на нее приличное платье и хорошенько отмыть физиономию, можно поклясться, что она просто неотразима. Лондонские мужчины были бы без ума от нее!

– Полагаю, вы не захотите говорить о Люсинде, – с нескрываемым разочарованием пробормотала она. – Конечно, это по-джентльменски, хотя...

– Вам лучше не высказывать свои мысли вслух, мисс Каррик. Сейчас перед моими глазами так и стоит ваш отец.

– Черт! – прошипела она, закатив глаза. – Но со мной можно быть откровенным, мистер Шербрук. Мой отец самый красивый мужчина на свете и, по моему мнению, куда красивее вас. Что же до себя... я бросила это много лет назад.

– Бросила? – вставил Джеймс. – Но что именно?

– Не важно. Во всяком случае, я больше не считаю, что унаследовала хотя бы каплю его красоты.

– Думаю, вам лучше снять свою дурацкую шляпу, и тогда мы посмотрим, – зачарованно пробормотал Джеймс.

Она промолчала. Зато конь пренебрежительно фыркнул. И тут Джейсон подумал, что, даже походи она на старую клячу, это тоже не имело бы никакого значения.

– Это я покупаю Лайонз-Гейт. Не вы, мисс Каррик. Мне кажется, вам лучше приобрести что-нибудь поближе к дому. Где расположено поместье вашего отца?

– Каррик-Грейндж? В Нортамберленде. Не совсем подходящее место для разведения лошадей.

– Прекрасно. Тогда купите что-нибудь поближе к Рейвенсуорту. Как насчет участка земли в Америке, в окрестностях Балтимора? Могли бы состязаться с Джесси Уиндем.

– Нет. Только Лайонз-Гейт. Привыкайте к мысли о том, что он мой, мистер Шербрук.

Джеймс ощутил, как напрягся брат, и, поскольку знал его так же хорошо, как себя самого, понял: кровопролития не избежать. И прежде чем Джейсон успел наброситься на нее, поспешно вставил:

– Так у вас есть братья и сестры, мисс Каррик?

Девушка кивнула и надвинула старую шляпу так низко, что поля почти прикрыли ей глаза.

– Есть. Три брата и одна сестра, самая младшая. Мы большая семья, как мог бы рассказать вам этот олух, если бы занимал свой мозг чем-то еще, кроме скаковых лошадей и попыток затащить в постель очередную женщину.

Джеймс внутренне сжался. Теперь Джейсон точно накинется на нее и швырнет в клумбу с засохшими цветами!

– В таком случае кто-то из детей продолжит традиции Карриков и займется фамильной компанией.

– По-моему, милорд, вы лезете не в свое дело.

– Просто старается помешать мне стащить вас со спины этого чудовища и запихнуть в конскую поилку, мисс Каррик.

– Она пуста.

– Знаю.

– Только попробуйте, Джейсон Шербрук! Шарлемань ударит вас копытами в живот!

Джеймс вежливо откашлялся.

– А мне казалось, мисс Каррик, что вы намереваетесь рассказать о ваших братьях и сестре.

– Прекрасно! Давайте, защищайте его! Мистер Павлин, возможно, крайне в этом нуждается! Он вообще какой-то тщедушный, верно?

Поскольку мужчины взирали на нее как на слабоумную, что, возможно, и было верно для данного случая, Холли вздохнула и сдалась:

– Ладно. Сейчас мои родители строят очень мало судов, причем только пароходы, а это совершенно иная конструкция. И скорость тоже. Можете себе представить, что путешествие от Балтимора в Портсмут занимает всего две недели! Когда я была маленькой, на это уходило полтора месяца.

– Прогресс не остановишь, – ободряюще заметил Джеймс. – Большинство общественных зданий Лондона обзавелось газовым освещением.

– Лондон сильно отстает. Отец утверждает, что в Балтиморе газовое освещение есть буквально везде, – бросила Холли и, поскольку ответом на весьма самонадеянную реплику послужила иронически вскинутая бровь Джеймса смело продолжила: – Знаете, милорд, один из моих братьев, Дев, когда-нибудь станет настоящим судостроителем. Правда, ему только тринадцать, но посмотрим, что будет лет через семь. Управлять компанией станет другой мой брат, Карсон, а самому младшему, Эрику, всего десять, но он уже помешан на кораблях. Моя сестра Луиза хочет стать писательницей. Сочинять романы. Правда, ей девять лет, так что еще немного рано утверждать, что она талантлива.

– Я знаю ваших братьев и сестру! – воскликнул Джейсон. – Они дружат с детьми Уиндемов. Стоит мне оказаться поблизости, и у Луизы готова для меня новая сказка. Она всегда говорила, что желает сделать меня героем всех своих романов и что напишет не менее сотни, поскольку намеревается работать, пока не умрет с пером в руках где-то в конце века. Когда она вырастет, заставит меня проявлять чудеса храбрости и спасать дам, начиная с нее самой, от злодеев, подлецов и разбойников всех мастей.

Холли картинно закатила глаза.

– Луиза не знает никаких злодеев. Шансы, что отец подпустит к ней злодея, также велики, как надежды на то, что в Лондоне за целую неделю не упадет ни капли дождя.

– Луиза заверила меня, что романистка способна слепить самого жестокого злодея буквально из ничего.

Холли смерила его яростным взглядом.

– Я обязательно должна написать Луизе, что не стоит терять головы из-за красивого лица, широких плеч и плоского живота.

Глава 6

– А я считал себя олухом.

– И это правда, – не задумываясь, ответила девушка. – Но Луиза слишком наивна для своего возраста и попросту этого не понимает.

Джейсон рассмеялся, пораженный метким выстрелом, и снова вспомнил о Джесси Уиндем.

У Холли почему-то сжалось сердце, а в желудке стало горячо.

– Я одна из всего семейства предпочитаю четвероное средство передвижения штурвалу и паровому двигателю. Я плавала всю свою жизнь, пока не стала жить в Англии. И вот уже два года управляю конюшнями дяди. Пора мне вести собственное дело. Так сказал дядя, когда я устала вальсировать с молодыми ничтожествами и старыми развратниками, которым нравится заглядывать за вырез моего платья.

– Ха! Никак вы напоили дядюшку, чтобы получить его согласие? – съязвил Джейсон.

– В этом не было необходимости. Я попросила двоюродных братьев объяснить ему, что давно пора отпустить меня на свободу. Я не глупа и давно перетянула их на свою сторону.

– Мне следовало бы догадаться. Легкая добыча, учитывая то обстоятельство, что они молоды и впечатлительны. Видишь ли, Джеймс, это типичное поведение американок. Да-да, знаю, вы англичанка, но большую часть жизни провели в Америке, а именно это играет роль.

– Неправда! Первые пять лет я путешествовала с отцом! – возмутилась Холли.

Но Джейсон, проигнорировав ее, добавил:

– Джеймс, американки предпочитают интриговать, устраивать заговоры, ныть, болтать пустяки, клянчить, добиваться своего, и все это с необычайной энергией. Особенно следует опасаться тех, у кого в голове найдется хотя бы капля мозгов, а карманы набиты золотом. В случае с мисс Каррик мы наблюдаем типичный пример богатой наследницы, отец которой позволил дочери бесконтрольно опустошать свой бумажник. Кстати, я забыл упомянуть о привычке баловать детей. Еще одна черта характера американок. Они безобразно избалованы. Будем надеяться, она не станет подбивать англичанок на...

Он осекся. Перед глазами так отчетливо всплыло лицо Джудит, что сразу захотелось разбить голову камнем, чтобы убрать ее из памяти и души.

– Поверьте, мистер Шербрук, ваши английские девушки не нуждаются в моей помощи. А как они умеют превратить человека в ледяную статую одним движением брови... – Холли помолчала. – Ваши англичанки прекрасно знают, чего хотят.

Джеймс, заметивший, как побледнел Джейсон, рванулся было, чтобы попросить брата не думать о девушке, предавшей его, предавшей их всех. Но он понимал, что это невозможно. Поэтому, приняв небрежный вид, он беспечно поинтересовался:

– Итак, все лондонские джентльмены навевают на вас скуку, мисс Каррик?

– О, милорд, это еще слабо сказано! Я так и заявила дядюшке, что не собираюсь выходить замуж, а также возвращаться в Америку или перебираться в Каррик-Грейндж, и моя решимость побудила его согласиться на покупку имения. Он, разумеется, немедленно заперся в кабинете, чтобы написать отцу, но тот не захотел вмешиваться.

– О, я прекрасно понимаю причину согласия вашего дядюшки, – кивнул Джейсон. – Поскольку вы так и не смогли найти себе мужа и поскольку вам явно грозит старческое слабоумие, он не желает видеть вас в Рейвенсуорте. Сколько у вас было лондонских сезонов? Пять? Шесть? Впрочем, если ваш отец готов дать за вами солидное приданое, не важно, если даже вам исполнилось шестьдесят лет, а во рту не осталось ни единого зуба. Наверняка найдется какой-нибудь глупец, который на коленях будет молить вас сделать его счастливейшим из людей.

– Не так уж я слабоумна, как вам кажется, мистер Шербрук. Могу я поинтересоваться, почему вам вздумалось вернуться домой? Я слышала, что вам пришлось по душе жизнь в доме Уиндемов настолько, что вы даже готовы растить их детей.

– По-моему, вы утверждали, что я думаю только о скачках и женщинах?

– И это тоже, – нахмурилась она и потрепала коня по шее, чтобы немного успокоить.

Шарлемань обожал либо драться с другими лошадьми, либо мчаться быстрее ветра, остальное его не интересовало. Вот и сейчас он с надеждой косил глазом на коней Шербруков, наверняка мечтая забить их до полусмерти. Она позволила ему встать на дыбы, что он и сделал, мотая огромной головой из стороны в сторону: весьма картинное зрелище.

– Осторожнее, мисс Каррик, – предупредил Джейсон, – смотрите за своей лошастью, иначе джентльменам придется вас спасать.

– Можно подумать, я только и ожидаю, чтобы вы и вам подобные спешили меня спасти! – ухмыльнулась она.

Джеймсу казалось, что его перенесли в прошлое. Покачив головой, он расхохотался. Просто не смог с собой совладать. Ухмылка Корри! Та самая, которую она отточила до совершенства более семи лет назад и пользовалась ею, как самым верным оружием, чтобы вывести его из себя. Интересно, попадется ли братец на удочку? Побагровеет, стащит ее с лошади и надерет задницу?

Но Джейсон в ответ осклабился, да так гнусно, что девчонке и не снилось ничего подобного! Наверное, выучился подобным штукам в Америке!

– Выслушайте меня, мисс Каррик, – медленно произнес он, словно обращаясь к деревенскому дурачку. – Я собираюсь купить Лайонз-Гейт. Имение будет принадлежать мне. Так что убирайтесь отсюда, да поскорее.

– А вот это мы еще посмотрим!

Холли Каррик развернула коня и позволила ему еще раз встать на дыбы, бросая открытый вызов Забияке и Ловчачу, которые тоже были готовы вступить в драку. Еще минута, и они сорвутся с привязи! Но Джейсон что-то тихо сказал им, и кони мигом успокоились.

– Погодите! – окликнул Джеймс. – Где вы остановились? Рейвенсуорт слишком далеко отсюда! Как вы туда доберетесь?

– Я остановилась в Гленклоуз-он-Роуэн, в доме викария, преподобного Тайсона Шербрука и его жены, – величаво сообщила Холли. – О, я совсем забыла! Кажется, это ваши тетя и дядя!

Джейсон ошеломленно уставился на нее.

– Нет, это невозможно! С чего это вдруг они согласились принять вас к себе? Немного больше месяца назад Рори писал мне из Оксфорда, так что его даже дома сейчас нет, а старые девы в вашем возрасте...

– Лео Шербрук женится на моей близкой подруге, мисс Мелиссе Брекенридж. Мне выпала честь проводить ее к алтарю. Свадьба назначена на субботу, поэтому я и приехала сюда.

– Судя по выражению лица, вам придется нести ее к алтарю?

– Нет, там, где речь идет о Лео, Мелисса мигом превращается в полную идиотку. Она скорее всего побежит, высоко задрав юбки, чтобы как можно скорее его заполучить. Я должна шествовать впереди, разбрасывая розовые лепестки из сада Мэри Роуз и молясь, чтобы Мелисса не сбила меня с ног, стараясь побыстрее добраться до жениха. Но я не могу не поражаться глупости девушек, готовых ради мужчины расстаться со своей свободой, не говоря уже о деньгах.

– Деньгах их отцов, – напомнил Джейсон.

– Джесси Уиндем наверняка пристрелила бы вас, услышав подобную фразу. Да и моя мачеха тоже.

– Верно, – согласился Джейсон, к величайшему ее удивлению. – Есть и исключения, хотя весьма немногочисленные.

Брови Джеймса взлетели к самым корням волос.

– Насколько я понимаю, вам не нравится Лео?

– Думаю, мисс Каррик жаждет разрубить всех мужчин на мелкие кусочки и подать в большой миске с супом.

Холли ответила знаменитой ухмылкой.

– На очень мелкие кусочки. Однако для мужчины Лео не так уж и плох. Не желала бы я общаться с ним ежедневно до конца дней своих, но, с другой стороны, вовсе не мне предстоит стать его женой. Если он пошел в отца, значит, к концу жизни не растолстеет и не потеряет все зубы, что говорит в его пользу. Возможно, что и смеется он так же часто, как отец. Так или иначе, готова признать, что если уж кому-то не терпится приковать себя к мужчине кандалами, Лео – один из лучших кандидатов.

– Да Лео упрямее своей гончей Седобородой, – возмутился Джейсон. – Подозревает ли об этом ваша подруга?

– Не знаю, но, полагаю, слишком поздно ее просвещать. Она все равно мне не поверит. А если и поверит, вне всякого сомнения, найдет это качество очаровательным.

– Седобородая еще и спит с Лео.

– О Боже, да это же большая собака!

– Совершенно верно, – кивнул Джейсон. – Вижу, на горизонте назревает конфликт.

– Но Лео наверняка предпочтет спать с женой, а не со старой собакой.

– Возможно. Первые несколько месяцев, – цинично хмыкнул Джейсон.

– Значит, Лео – человек неплохой, как и мой дядя Тайсон. Полагаю, вы также восхищаетесь своими отцом и дядей.

– Полагаю, что так.

– В таком случае, – не отставал Джеймс, – вряд ли вы можете утверждать, что мы такие уж плохие образцы человеческой породы.

– Тут вы правы, милорд, но дело в том, что я вас просто не знаю. А вдруг вы негодяй и мерзавец? Зато хорошо знакома с вашим братом и уверена, что девушке... особенно старой деве, следует быть с ним крайне осторожной, иначе последствия могут оказаться самыми неприятными.

– Какие именно последствия? – любопытствовал Джеймс, чем окончательно лишил ее дара речи.

Такого удара она не снесла. Открыла было рот, чтобы ответить, но не смогла. Только уставилась на Джейсона с таким видом, словно жаждала затоптать его своим гнедым чудовищем.

– По моему мнению, – выдавила она наконец, – называть мужчин образцами человеческой породы – значит, придавать им чересчур большое значение.

– Жалкая уловка, мисс Каррик, – саркастически хмыкнул Джейсон. – Позвольте мне спросить, какой мужчина ранил вас так сильно, что вы не глядя мажете всех нас черной краской?

Холли оцепенела. Джейсон наблюдал, как она вынуждает себя расслабиться, не придавать чересчур большого значения его резким словам. Поразительно, как быстро ей удалось взять себя в руки: ведь удар явно попал в цель. Значит, в ее жизни был такой мужчина. Интересно, закричит ли она сейчас на него, как рыночная торговка?

Но с ее губ сорвалось нечто совершенно иное.

– Я узнала о поместье от вашего дяди Тайсона. Он рассказывал нам о сквайре Кальмаре и огромных деньгах, которые тот потратил на конюшни и загоны. И тут Лео вспомнил о его сыне Томасе, наглеце и моте, старавшемся поскорее все продать, чтобы избавиться от кредиторов. Вчера Лео привез меня сюда, и, увидев конюшни, я поняла, что хочу купить Лайонз-Гейт. Он

также согласился сопровождать меня сюда сегодня, но, будучи мужчиной, умудрился потащить за собой Мелиссу. Так что у них на уме совершенно другие вещи. И поскольку Мелисса готова достать для своего Лео луну с неба, если только тот пожелает, она безропотно позволила утащить себя в укромное местечко под густым деревом в лесу, где можно без помех предаваться любовным шалостям.

– Любовным шалостям? – деланно удивился Джейсон, изобразив особо мерзкую ухмылку. – Какое туманное, жидкое, как плохой суп, определение, годное исключительно для дам, привыкших говорить аллегориями. – И, выдержав бесконечно долгую паузу, прохвост имел наглость добавить: – Впрочем, может, я не прав, и они просто не способны выражаться яснее, поскольку понятия не имеют, о чем говорят.

Джеймс уставился на брата. Да что здесь происходит, черт возьми? Правда, Джейсон пять лет прожил в чужой стране. Может, американцы привыкли оскорблять женщин подобным образом?

Пытаясь спасти положение, он громко откашлялся. Спорщики дружно повернулись к нему.

– Этот дом – суший кошмар. Не желаете же вы обременить себя гниющими развалинами?

– Да какая разница? Все дело в конюшнях, загонах, прекрасном помещении для жеребых кобыл и стойле, где эти кобылы жеребятся. Видели вы шорную? Я могу работать там с главным конюхом.

Джейсону хотелось сказать, что он скорее влепит ей пулю между глаз, чем позволит купить Лайонз-Гейт, но вместо этого он обратился к брату:

– Пойдем. Я намерен немедленно купить это место. Вам, мисс Каррик, не повезло. Доброго дня, мэм.

– А вот это мы еще посмотрим, мистер Шербрук, – бросила она, не оборачиваясь, и пустила коня в галоп.

– Лео женится? Представить невозможно! – засмеялся Джейсон.

– Очевидно, никто не позаботился написать тебе о столь важном событии. Ты много лет его не видел, Джейс. Он так же помешан на лошадях, как ты, и провел три года на ротермирской конеферме вместе с Хоксбери.

– Ты видел его невесту? Эту Мелиссу, которая сходит по нему с ума?

– Правду сказать, она очаровательна. Очень необычна. Но подругу ее я до сих пор не знал.

– Даже будучи британкой по рождению, она по-прежнему ведет себя как типичная американка. Весьма жаль. Я уже говорил: наглая, самоуверенная, ни в чем не знает удержу... словом, уехав из Америки, упорно придерживается тамошних обычаев.

– Она очень красива.

Джейсон нетерпеливо пожал плечами.

– Но почему Лео не хочет купить это поместье? Сколько ему сейчас лет?

– Примерно наш ровесник. Собственно говоря, он хотел купить поместье неподалеку от Йоркшира, рядом с Ротермиром и семьей будущей жены. О да, мы все идем в субботу на свадьбу, проведем там ночь, что будет тяжким испытанием, поскольку дядюшка Райдер приведет всех своих Любимых, так что нас наверняка запихнут на чердак. Кстати, дядя Тайсон сам обвенчает Лео и Мелиссу.

Джейсон смотрел вслед Холли Каррик. Та быстро удалялась, и он видел только толстую золотистую косу на спине. Черт возьми, она прекрасно держится в седле. Ничуть не хуже Джесси Уиндем.

– Через час я еду в Лондон. Сам повидаюсь с Томасом Ховертоном и куплю поместье. Все будет подписано еще до того, как девица начнет обдумывать план действий.

Джеймс согнулся от смеха.

– Нет, это просто поразительно! Корри ни за что не поверит!

Он все еще смеялся, когда вошел на крыльцо Нортклифф-Холла. Джейсон с громким топотом помчался наверх, чтобы собрать вещи и ехать в Лондон.

Двадцать минут спустя, когда он скакал по широкой подъездной аллее, Джеймс весело крикнул вслед:

– Не забудь прибыть в дом викария в субботу!

Глава 7

Сначала Джейсон не узнал ее, только услышал нежный звонкий смех и машинально повернул голову. Неужели это невеста? Нет, Холли Каррик! Куда девались старые штаны, дражная шляпа, толстая коса, болтающаяся на спине, сапоги, столь же пыльные, как ее лицо? На ней было светло-сиреневое платье с широкими, струящимися рукавами, вырезом, которому следовало быть куда более скромным, и невероятно тонкой талией. Наверное, чересчур туго затянутый корсет... но пока он не мог оторвать взгляд от ее волос. Золотые – иначе не опишешь этот поразительный цвет, в точности как у ее отца, – блестящие, словно атласное платье тетушки Мэри Роуз, и уложенные на макушке в искусно заплетенную косу. Легкие прядки и локончики изящно обрамляли лицо, и сквозь них, как сквозь драгоценное покрывало, сверкали маленькие бриллиантовые серьги. Такие же переливчатые, как ее смех.

Джейсон улыбнулся беспечной, очень мужской улыбкой. Несмотря на все хвастовство и бахвальство, она всего лишь девчонка. Почему бы не полюбоваться такой красавицей теперь, когда Лайонз-Гейт наконец перешел к нему? Джейсон может позволить себе быть великодушным: ведь он победил. Впрочем, с самого начала в этом не было сомнения, хотя, когда Джейсон прибыл в Лондон, Ховертона там не оказалось. Но на то, чтобы разыскать Арло Кларка, поверенного Ховертона, живущего по адресу Беркстед-стрит, 29, ушел всего час. Поняв, что визитер приехал с целью предложить за поместье кругленькую сумму, Кларк едва не разразился слезами и буквально бросился на шею гостю. Все необходимые бумаги лежали в ящике его письменного стола, где благополучно пылились в течение последних двух лет. Предложение было более чем щедрым, хотя Джейсон понимал, что стряпчий вряд ли это признает. Приходится играть по правилам.

Но игра закончилась довольно быстро, и Джейсон с чувством глубокого удовлетворения поставил размашистую подпись. Мистер Кларк, как законный представитель Томаса Ховертона, расписался вторым.

Да, мистер Кларк знал Коварного Уилли Биббера, поверенного Шербруков, и не сомневался, что они позаботятся о переводе денег. Все чисто и надежно. Джейсон в любое время сможет вступить во владение имуществом.

Теперь Джейсон позволит себе быть великодушным к этой американской негоднице с ее британским акцентом и британской кровью. Теперь есть время по достоинству оценить голубые глаза и золотистые волосы, несомненно, принадлежащие сказочной принцессе, – образ, совершенно не соответствующий ее характеру, – а заодно и фигуру, способную свести с ума любого мужчину. А ее смех – слишком беспечный, слишком звонкий, слишком американский – звучал так, словно у этой особы нет и не бывает никаких забот. Что же, скоро она поймет, что проиграла.

Он прибыл минут за десять до начала церемонии и немедленно оказался в кругу своей большой семьи. По крайней мере сегодня в атмосфере не чувствовалось напряжения, тем более что, слава Богу, не он был центром всеобщего внимания. Никто не интересовался, как Джейсон себя чувствует и забыл ли предательство, едва не погубившее его родных. Дядюшка Райдер, как всегда, обвешанный детьми, заставил всех подвинуться, чтобы Джейсон поместился в том же ряду. Его тетушка Софи сидела между двумя старшими детьми, за ней восседал Грейсон, на коленях которого примостились двое ребятишек. Грейсон, прирожденный рассказчик, был единственным родным сыном дяди Райдера и тети Софи: высокий, с фамильными чертами лица и глазами голубыми, как ясное летнее небо.

Родители Джейсона, Холлис, Джеймс, Корри и ерзающие близнецы разместились перед ним. Джейсон заметил, что рядом с каждым ребенком обязательно сидит взрослый и его бабка – не исключение. На этот раз, благодарение Богу, она не хмурилась, разглядывая маленькое

существо, спокойно сидевшее подле нее. Он увидел теперь уже пятидесятилетнюю тетюшку Мелисанду, сидевшую через два ряда от него. По-прежнему красива, так что сердца молодых людей замирают при взгляде на нее. Выглядит скорее как их с Джеймсом сестра. Кто бы поверил, что она старше их матери! С ней сидел дядюшка Тони, ее муж. Одна рука покоилась на спинке кресла. Пальцы играли с прядью шелковистых черных волос.

В церкви яблоку было негде упасть, тем более что все родственники жениха собрались в Гленклоуз-он-Роуэн. Не хватало только тети Синджен и дядюшки Колина из Шотландии и Мегги с Томасом, не успевших прибыть из Ирландии.

Джейсон устроился рядом с четырехлетним малышом, которого, как шепотом сообщил дядя Райдер, звали Харви. Он выглядел куда старше своих лет и испуганно оглядывался по сторонам. Но теперь, попав в дом дяди Райдера, он скоро станет совсем другим. Повезло парню! Он обязательно забудет все дурное, что случилось с ним.

Глаза Харви были большими и черными, почти такими же, как глаза Дугласа Шербрука. И волосы такие же: прямые, блестящие, темно-каштановые. Правда, скулы до сих пор оставались чересчур острыми, а тельце – тощим, но и это быстро изменится.

Когда по проходу поплыла мисс Холли Каррик, разбрасывавшая розовые лепестки из сада Мэри Роуз, Джейсон поймал ее взгляд и жизнерадостно махнул рукой. Была ли в его ухмылке некая доля торжества? Нет, он, разумеется, достаточно хорошо воспитан, чтобы позволить себе смеяться над побежденными.

Очевидно, она не посчитала взмах рукой и улыбку признаками злорадства, потому что удивленно приоткрыла ротик и едва не уронила прелестный букет, который держала в руке. Джейсон был готов поклясться, что она хихикнула, когда ловко подхватила перевязанные ленточкой розы. Но тут же опомнилась, ответила улыбкой и слегка склонила голову.

Харви взволнованно подтолкнул его локтем в ребра:

– Кто этот ангел с розами, который так пялился на вас?

– Это мисс Холли Каррик, подружка невесты, мисс Брекенридж, – пояснил Джейсон. – Не находишь, что она швыряется лепестками, вместо того чтобы грациозно отпускать их на волю?

– Чепуха! – воскликнул Харви, достаточно громко, чтобы перекрыть звуки органа. – Если так уж хочет, пусть опрокинет это ведро мне на голову, я все стерплю. И она пригожее солнышка, которое отражается в луже чистой воды в переулке Уотта. Я не прочь жениться на ангеле, когда стану большим.

– Нет, Харви, не стоит. Она – не ангел. Отрежет твои уши и поджарит на завтрак, – вздохнул Джейсон и, взяв малыша за руку, привлек к себе. Заявление Харви вызвало смешки и улыбки.

Он снова открыл рот, но Джейсон, представляя, что за этим последует, быстро шепнул:

– Пересчитай-ка волоски на моей руке, а потом скажешь сколько их.

– Не так уж и много, – заметил Харви, – и это даже к лучшему, поскольку я все равно умею считать только до четырех.

Жаль... Четырехлетняя Элис Уиндем умела считать до пятидесяти одного. Но Харви по крайней мере очень старался и, сбиваясь, пересчитывал еще раз. Процедура длилась минут двадцать.

Джейсон глянул на дядю Райдера, который только сейчас украдкой чмокнул мальчика в макушку и улыбнулся племяннику.

Еще совсем молодым Райдер Шербрук стал подбирать брошенных детей или спасать их от вечно пьяных родителей и садистов-хозяев. Со временем Синджен стала называть найденных Любимыми.

Джейсон усадил заерзавшего Харви себе на колени, и малыш скоро привалился к его груди и закрыл глазки. Сам Джейсон старался не спускать глаз со своего кузена Лео Шербрука, гордо стоявшего напротив девушки, чье лицо было скрыто густой вуалью. Мелисса Брекенридж

вопреки уверениям Холли не думала набрасываться на Лео, по крайней мере до тех пор, пока новоиспеченный свекор, преподобный Тайсон Шербрук, не объявил с чудесной улыбкой на устах, что теперь невеста может поцеловать жениха.

На приеме, данном после церемонии, гости толпились не только в доме, но и в прелестном саду викария. Преподобный Шербрук то и дело благодарил Господа за великолепный солнечный денек. После трех бокалов превосходного шампанского, подаренного графом Нортклиффом, Тайсон откашлялся, чтобы привлечь внимание гостей. К несчастью, именно в этот торжественный момент один из детей во всеуслышание объявил о своем желании сходить за кустики, чем вызвал неудержимый смех. Но Тайсон не сдавался:

– Моя жена приглашает всех танцевать. Графиня Нортклифф согласна аккомпанировать, если молодые люди помогут очистить место в гостиной.

Уже через четыре минуты Александра заиграла мелодичный вальс, и Лео повел невесту в центр комнаты. Услышав, как кто-то охнул, Джейсон обернулся и увидел, как преподобный Шербрук воззрился на Лео, озадаченно качая головой, вероятно, потому, что сын как-то вдруг вырос и даже женился. Одной рукой Тайсон обнимал за плечи Рори, семнадцатилетнего студента Оксфорда, почти взрослого мужчину. Так много перемен... все кузены Джейсона женятся, производят на свет следующее поколение Шербруков.

Он наблюдал, как его брат ведет Корри в круг танцующих, как близнецы, сидя на руках деда, энергично машут родителям. Его кузен Макс, старший сын дядюшки Тайсона, подал руку молодой женщине, которую Джейсон раньше не видел. И тут кто-то яростно дернул его за штанину. Он опустил глаза.

– Я хочу танцевать с ангелом! – объявил Харви.

– Не выйдет, ангел танцует с моим кузеном Грейсоном, который, возможно, рассказывает ей истории о привидениях. Почему бы нам с тобой не показать этой компании, как нужно танцевать вальс?

С этими словами Джейсон подхватил малыша на руки и стал гигантскими шагами вальсировать по всей комнате.

– Дядя Джейсон, я тоже хочу танцевать! – завопил один из близнецов.

– Танцуй с дедушкой! – смеясь, откликнулся Джейсон и уголком глаза заметил, как отец, держа по внуку в каждой руке, пустился вальсировать, скоро догнав Джейсона и Харви.

Смех лился так же свободно, как шампанское. Дети и взрослые увлеченно танцевали. Веселье вышло на славу, и семья Мелиссы прекрасно ладила с Шербруками.

Через час Джейсон сидел на качелях, прикрыв глаза и лениво отталкиваясь правой ногой. На его коленях, прислонившись головкой к груди, распростерся Харви, наевшийся и уставший от танцев. Неожиданно за спиной раздался мягкий голос:

– Не ожидаю от вас поздравлений, но полагаю, что, придя первой, я имею полное право сказать, что вы прекрасно вели скачку. Правда, не знаю, что именно вы предприняли. Возможно, просто отсиделись в канаве, решив не тратить усилия зря. Кроме того, вы так и не пригласили меня на вальс, единственный из всех мужчин на свадьбе. Конечно, этот поступок не говорит о благородстве побежденного, а я так на это надеялась после вашей улыбки и взмаха рукой.

Джейсон, не желавший будить Харви, не обернулся и объявил в сторону кладбища, расстилавшегося за дальней стеной сада:

– Я всегда веду честную скачку, мисс Каррик. И обычно выигрываю у всех, если не считать Джесси Уиндем. Я постоянно умоляю ее есть побольше, чтобы набрать немного веса, но ничего не получается. Она только смеется надо мной.

Холли и сама рассмеялась, после чего обогнула качели и встала перед темноволосым красавцем, бережно баюкавшим тощего малыша с выпачканным шоколадом личиком.

– Сколько себя помню, всегда старалась посмотреть, как скачет Джесси. Быстрее ветра! – Она помедлила и нахмурилась, глядя на мальчика. – Он слишком худой.

– Верно, но это скоро изменится. Мой дядя Райдер два месяца назад выкупил его у владельца одной фабрики в Манчестере. Парень работал по четырнадцать часов в день, обслуживая прядильные машины.

– Я слышала от родителей Мелиссы о вашем дяде Райдере и всех детях, которых он спас за эти годы. Они считают это весьма странным.

– А вы, мисс Каррик? Что вы думаете о Любимых?

– Какое чудесное имя для бедных детишек! Честно говоря, я считаю вашего дядю волшебником. Он творит с детьми настоящие чудеса. Совсем как вы. Они буквально липнут к вам. Просто поразительно! Видели, как родные Мелиссы вальсировали с ребятишками? Клянусь, отец Мелиссы не танцевал добрых тридцать лет и все же носил на руках малышку лет семи. И столько смеха! Видели бы вы подобные свадьбы в Лондоне, а может, даже и в Балтиморе! Взрослые взирают друг на друга с превосходством, оценивая чужие драгоценности. Кстати, сколько детей взял к себе ваш дядя?

– Понятия не имею. Нужно спросить его или тетюшку Софи. В доме одновременно могут жить до пятнадцати детишек.

– По-моему, он очень хороший человек. Видит несчастье и действует. В отличие от большинства окружающих.

– Это верно. Итак, у нас появился еще один мужчина, которого вы одобряете. Список растет, мисс Каррик.

Немного помолчав, она толкнула качели. Харви глубоко вздохнул.

– Я снова заставил вас потерять дар речи?

– Так вы не собираетесь меня поздравлять, мистер Шербрук?

– С чем? С благополучной доставкой подруги к алтарю? Вот на Харви вы произвели неизгладимое впечатление.

– Я едва не уронила букет!

Она вынула из кармана платочек, о существовании которого он никогда бы не заподозрил, и ловко вытерла личико Харви. Заметив неверящий взгляд Джейсона, она коротко пояснила:

– Я сама вырастила четверых. Кстати, видели, как Мелисса вцепилась в Лео в конце церемонии? Я думала, преподобный Шербрук захохочет на всю церковь.

В саду пахло жимолостью и розами, а может, этот аромат исходил от нее... кто знает?

– Помню, когда я был еще совсем мальчишкой, – задумчиво заметил он, – дядя Тайсон очень редко смеялся. Его жизнь была посвящена Богу, а Богу, по всей видимости, было интересно слушать только о бесконечных грехах и отклонении с пути праведного. Господь дяди Тайсона не верил в смех, во всяческие развлечения и простые человеческие удовольствия. Но потом он встретил Мэри Роуз. Она внесла в его жизнь и в его церковь Господню любовь и всепрощение, а ему подарила смех, покой и бесконечную радость.

Он немного помолчал и уже другим, хриплым голосом добавил:

– Я и понятия не имел, как тосковал по родным, пока не увидел их всех сегодня, рядом с собой. А моя тетя Мелисанда, которая всегда гладила меня по щеке и называла своим зеркалом! На этот раз она обнимала меня до тех пор, пока дядюшка Тони ее не оттащил. И в ее глазах стояли слезы.

Почему он говорит ей все это? В конце концов он вышел победителем, и, узнав все, она захочет воткнуть ему нож под ребро!

Харви всхрипнул, и Джейсон машинально сжал руки и стал укачивать мальчика.

– Вы весьма красноречиво распространялись о своем дяде Тайсоне.

Он пропустил похвалу мимо ушей, чувствуя себя последним глупцом за неуместную откровенность.

– Почему я должен поздравлять вас, мисс Каррик?

Она совсем позабыла о своей победе, о своем абсолютном триумфе. Но сейчас вспомнила!

– Естественно, потому, что я отныне новая владелица Лайонз-Гейт.

Джейсон перестал раскачиваться и взглянул в лицо, которое превзошло бы в сравнении лицо Елены Троянской.

– Нет, – спокойно возразил он, не понимая, что за игру она ведет. – Это я – владелец Лайонз-Гейт. Если желаете убедиться, что я не лгу, могу показать купчую. Она у меня в кармане.

Холли испуганно встрепелась:

– Что вы такое говорите? Это просто невозможно, мистер Шербрук! В моем ридикюле лежит законная купчая. Сейчас поднимусь в спальню и принесу. Ваша шутка не смешна, сэр.

– Но я никогда не шучу в столь важных вещах, мисс Каррик. Я поехал в Лондон, встретился с поверенным Томаса Ховертона и купил поместье.

– В этом случае все ясно, – просияла она, готовая заплясать от счастья и разбросать по саду розовые лепестки.

Свет победы вновь засиял в ее глазах.

– Впрочем, я и не сомневалась.

Ее улыбка стала еще шире. Джейсон свел брови:

– О чем вы? Что вы сделали?

– Я знала, где сейчас Томас, – у своей тетки Милдред в Верхнем Далленби, всего в двадцати милях отсюда. Поехала туда, и мы пришли к соглашению. Лайонз-Гейт – мой.

А вот это уже удар ниже пояса!

Глава 8

Часы пробили полночь. Лео и Мелисса давно уехали в свадебное путешествие. Первая ночь брачного блаженства будет проведена в Истборне, а потом молодые с утренним приливом отправятся в Кале на пакетботе Алека Каррика «Хей-Хо Колумб». Название судну когда-то дал пятилетний Дев.

Шербруки и мисс Холли Каррик сидели в гостиной. Джейсон точно знал, что каждый с удовольствием огрел бы Холли по голове, возможно, похоронил бы ее в саду, чтобы он, их возлюбленный блудный сын, получил Лайонз-Гейт. Поместье совсем рядом с Нортклифф-Холлом, и это означает, что Джейсон всегда будет поблизости. И они снова станут одной семьей, как только избавятся от англо-американской выскочки, имевшей наглость сыпать деньгами, лезть, куда ее не просили, и украсть то, что хотел получить любимый сын. Но внешне все были вежливы, полны сочувствия, и мать налила в чай мисс Каррик молока, а не яда, что, вне всякого сомнения, предпочла бы сделать.

– Послушайте все, – неожиданно объявила Холли, прерывая сгустившееся молчание. – Я купила поместье у самого Томаса Ховертона. Не у его поверенного. И мне яснее ясного, что именно я – новая владелица Лайонз-Гейт.

– Мистер Кларк – законный представитель Томаса Ховертона, – возразил Джейсон. – Мистер Кларк показал мне документ, дающий ему право вести все дела Томаса Ховертона. На документе стояли подписи как поверенного, так и Ховертона. Он вправе действовать от имени доверителя, что и сделал. Я купил поместье раньше вас, мисс Каррик. Купчая не только заверена по всем правилам и датирована, но там даже указано время дня, когда были поставлены наши подписи.

Холли оглядела приятно улыбающиеся лица. Как жаждут эти люди, чтобы она исчезла... а судя по огненным волосам матери Джейсона, та не остановится перед любым насилием.

– Но владелец – Томас, – подчеркнула она. – Никто другой. А поверенный, когда все сказано и сделано, всегда останется поверенным.

Дуглас встал из-за стола и улыбнулся собравшимся.

– Этот спор ни к чему не приведет. Предлагаю завтра же поехать в Лондон. Мисс Каррик, вы можете остановиться у нас на Патнем-сквер, поскольку одинокой даме неприлично жить в городских домах вашего отца или тетки с дядей.

– Я останавлиюсь у родителей Мелиссы, – отрезала она.

– Они завтра уезжают в Йоркшир, – напомнил Джеймс.

– Все мы отправимся к поверенным, и законники помогут нам разобраться в этом запутанном деле, – продолжал Дуглас. – А теперь пора спать. Лично я еще не опомнился после всего того шампанского, что было выпито сегодня.

Поскольку слово держал патриарх, все послушно поднялись.

Как и предсказывал Джеймс, дом викария был забит гостями от подвала до чердака. Джейсон вместе с шестью молодыми людьми, включая владельца спальни Макса, старшего сына дяди Тайсона, спали вповалку на полу, вернее, на толстых одеялах, собранных у прихожан дяди Тайсона.

Спали. А вот Джейсон не мог заснуть. Все его великолепные планы, все проекты... что с ними теперь станет. Он ненавидел неопределенность.

Джейсон прислушивался к храпу, стомам и кряхтенью всех своих кузенов. Интересно, как с ними спят жены?

Поворочавшись с боку на бок, он накинул взятый у кузена Грейсона халат, босиком вышел из дома и направился в освещенный луной сад. Остановился у толстой плети жимолости, вдохнул сладкий запах.

– Знаете, что эти женщины храпят?!

Он едва не подскочил от неожиданности, наступил на острую ветку и принялся прыгать на одной ноге. Ведьма ехидно рассмеялась.

– Женский храп не так раздрает уши, как мужской, – буркнул Джейсон, растирая ступню. – Так, нежное мяуканье, деликатное посвистывание.

– Кому и знать, как не вам, мужчине, уложившему в постель столько женщин!

Джейсон насмешливо поднял брови.

– Именно поэтому вы так рано встали, мисс Каррик? Раздражал этот легкий шум?

– Я словно оказалась рядом с неким удивительным струнным квартетом. Что-то вроде вздоха, потом томный стон из другого конца комнаты, и более громкий рокот рядом с моим левым локтем.

– И вы не смогли присоединиться к оркестру?

– Я лежала, думая, как выбраться из переплета, в который все мы попали. Не то чтобы у меня появились сомнения относительно исхода этого дела, но уж очень неприятно оказаться в кругу вашей богатой и влиятельной семьи, членам которой не терпится отправить меня в Китай. В бочонке, набитом сельдью.

– Вы считаете, что моя семья может быть настолько нечестна? Заверяю, мисс Каррик, вам нет причин волноваться, поскольку у меня все права. Томас Ховертон – мот, безмозглый мот, выбросивший целое состояние на женщин и карты, и поэтому власть поверенного распространяется на все финансовые вопросы. Томас сам хотел этого, чтобы избавиться от кредиторов. Кроме того, вы ведь тоже не какая-то бедная несчастная рабыня. Если уж говорить о влиятельных семьях, ваш дядя, Берк Драммонд, граф Рейвенсуорт, весьма могущественный человек. Я уже не говорю о вашем отце, бароне Шерарде. Свяжитесь с ними, мисс Каррик, и, пока не прибыл барон, дядя может представлять ваши интересы. Он и его поверенный. Прекратите ныть. Хотя... по правде сказать, мои родители серьезно подумывают о Китае, а может, и о России. Словом, об очень далекой стране.

– Все это правда, – вздохнула Холли. – Но дядя Берк сумеет приехать в Лондон только через несколько дней, а может, и через неделю. Я действительно ныла?

– Да.

– Не слишком привлекательно, что верно, то верно. Только посмейте сказать, что это – типичное поведение американских девушек, и я швырну вас в колючие заросли.

– Хорошо, молчу. К тому же я живо представил, в каком виде вы вылезаете из бочонка после шести недель пребывания в море, в компании сельди, на разбитой дороге, которая приведет вас в Москву этак через полгода.

– Английская или американская сельдь?

Джейсон с трудом сдержал смех.

– По моему опыту британская сельдь солонее. Впрочем, это мне в ней и нравится.

– Вы все сочиняете, – начала она, но тут же осеклась. – Честно говоря, мне больше нравится быть американкой, чем англичанкой. Я на многие вещи смотрю с другой точки зрения. Ну, сами понимаете... как я отношусь к людям, реагирую на ситуации и тому подобное.

– Хотите сказать, что перестали быть неисправимым снобом?

– Вы считаете английских девушек неисправимыми снобами, мистер Шербрук?

– Нет, вовсе нет. Вы правы насчет американок: они скорее лягут мужчину в коленку, если тот их оскорбит, вместо того чтобы тихо рыдать в углу за пальмой в горшке.

– Говорите по собственному опыту?

– Ну разумеется. Я человек наблюдательный. Видел и то, и другое. Лично я предпочитаю попытку пнуть меня ногой.

– Никаких попыток. Я действую быстро и жестко.

– Полагаю, вы можете попробовать. Конечно, при этом джентльмен оказывается в невыгодном положении, поскольку не считает возможным ответить тем же. Но у вас острый язык, мисс Каррик, и, если не ошибаюсь, злобный нрав, а в отношении женщин я редко ошибаюсь.

Если не считать одного-единственного раза...

Знакомая боль сжала сердце. Один-единственный раз он был чертовски слеп... нет, он не станет об этом думать. Все давно в прошлом. Он снова дома и уверен, уверен, как никогда: никто его не винит. Но сумеет ли он сам когда-нибудь простить себя за то, что наделал? Вряд ли.

Он вскинул глаза, гадая, как она будет выглядеть не с косой, а с рассыпавшимися по плечам ослепительно золотыми волосами. Если он верно понял, она сильно обижена. Обижена? На что? Он что-то не так сказал? Нет, невозможно! Только не эта тигрица, негодница, рот которой давно следовало бы заткнуть, чтобы не слушать ее ядовитые уколы.

– Может, вы станете лучше относиться ко мне, если будете знать, что ни одна девушка еще не пыталась лягнуть меня или рыдать в углу за пальмой в горшке из-за моей жестокости.

– Все потому, что нет той женщины, которая не мечтала бы оказаться в ваших объятиях, – деловито заметила она. – Но довольно похвал, иначе вы станете еще более тщеславным и спесивым, чем теперь. Лучше послушайте меня. Признаюсь, я встревожена. То есть, поскольку Томас продал мне поместье, я настоящий владелец, и это точно, но вся история с поверенными мне не по душе.

– Как я уже говорил, мисс Каррик, на продажу выставлено немало поместий, и каждое вы вполне способны купить. Но это единственный участок, расположенный вблизи от моего дома.

Он ненавидел споры, в которых каждая сторона была по-своему права. Но не стал ничего говорить и вместо этого спросил:

– Знаете, что ваше имя рифмуется с именем моей невестки?

– Корри. Холли. Да, почти. Кстати, она очень умна.

– Почему вы так считаете?

– Но это очевидно. О, понимаю: как мужчина, вы предпочитаете не замечать наличие мозгов у женщин; даже если это обстоятельство бросается в глаза. У них с мужем прекрасные отношения.

– Да, она любого убьет за Джеймса.

– Как Мелисса – ради Лео.

– Очевидно.

– Да вы босой, мистер Шербрук. И халат на вас уже давно превратился в лохмотья.

– Это халат кузена Грейсона. Я не успел собраться. А вот вы выглядите как десерт с взбитыми сливками, мисс Каррик: мягкая, воздушная и... персиковая.

– Да, этот пеньюар подарила мне тетя Эриел, когда думала, что я выхожу замуж за...

Она с размаху запечатала рот ладонью, с ужасом глядя на собеседника. Господи, идиотское признание просто слетело с ее языка!

Холли отступила, судорожно сжимая края пеньюара цвета персика, но в волнении так туго натянула его на груди, что Джейсон мог свободно любоваться ее прелестным телом в серебристом лунном свете.

Теперь он уничтожит ее: она сама дала ему в руки мощное оружие!

Но Джейсон всего лишь задумчиво хмыкнул и промолчал.

Она продолжала пятиться, пока не наткнулась спиной на куст вьющихся роз. И должно быть, напоролась на шип, потому что поспешно отскочила. И, не вынеся мучительного ожидания, взорвалась:

– Что же, давайте издевайтесь, вам же не терпится, я все вижу!

– Вовсе нет. Итак, мой отец поговорит с родителями Мелиссы, поскольку вы находитесь на их попечении.

– Я вовсе не на их попечении, черт бы вас подрал!

– Но ведь вы их гостя, не так ли?

– Полагаю. Но в любом случае я собиралась завтра же вернуться в Рейвенсуорт. Теперь все отменяется.

– Отменяется, – согласился Джейсон. – Завтра вы вместе с нами едете в Нортклифф-Холл, а оттуда – в Лондон. Мой отец пошлет к вашему дяде слугу с запиской.

– Договорились. Я хочу, чтобы все решилось как можно быстрее. Хочу переехать в свое поместье.

– Вряд ли вы собирались жить в Лайонз-Гейт одна. Вы молодая леди... довольно молодая...

– Знаете, я как-то не подумала об этом, – медленно выговорила она. – Все происходило в такой спешке. Необходимо решить, кого выбрать в компаньонки. Моя тетя Эриел наверняка мне поможет.

– Как насчет моей бабушки?

– Я не знаю ее, но разве она не ужасно стара?

– О нет, ей нет и восьмидесяти одного. И она все равно откажется. Терпеть не может женщин, если не считать моей тети Мелисанды. Я просто шутил. Однако поиски компаньонки не будут проблемой, потому что вы не переезжаете в Лайонз-Гейт.

– Жаль, что вы не желаете сдать, мистер Шербрук. Я купила поместье у владельца. Все сделано и подписано.

– У меня такое чувство, что Томас предпочтет сделку, заключенную через поверенного.

– Почему?

– Потому что деньги, поступившие к мистеру Кларку, будут спрятаны от кредиторов надежнее, чем те, которые перейдут прямо к Томасу Ховертону. Хм... интересно, что скажет сам Томас, если это окажется правдой?

– Не может быть! Вы все это придумали. Деньги в любом случае получит Томас.

– А вот это мы еще посмотрим! Идите спать, мисс Каррик, – посоветовал Джейсон, угрожая нависнув над ней. – Кстати, Джесси Уиндем выше вас ростом.

– Такое бывает. Может, Джеймс Уиндем выше вас! В Америке все растет на удивление быстро.

– Вот так-то лучше, мисс Каррик, – улыбнулся он. – Лайонз-Гейт – прекрасное поместье, но раскроет свой потенциал только в руках сильного, дальновидного человека. И этот человек – я, мисс Каррик.

– У вас кровь на ноге, мистер Шербрук. Такой сильный человек и сражен острым сучком! Ничего не скажешь, силач!

Джейсон протянул руку и легонько коснулся кончиками пальцев ее подбородка. Твердого, очень решительного подбородка.

– Сдавайтесь лучше вы, мисс Каррик. Возвращайтесь в Рейвенсуорт. Купите что-нибудь поблизости.

– Доброй ночи, мистер Шербрук. Если меня найдут мертвой под плетями жимолости Мэри Роуз, будьте уверены, что в преступлении обвинят либо вас, либо кого-то из ваших родных.

– О, если бы мы взялись за дело, вы бы просто исчезли, мисс Каррик. Не забывайте о бочонке из-под сельди.

Джейсон лихо отсалютовал ей и вернулся в дом, пытаясь не хромать, даже когда наткнулся на очередной сучок.

Глава 9

Джейсон не вернулся в Нортклифф-Холл, а сразу поскакал прямо в Лондон, предварительно позаимствовав одежду брата.

К концу дня в городской дом Шербруков прибыли все остальные, и он уже ждал их в гостиной. И совсем не удивился, когда первой в комнату ворвалась Холли Каррик, сжимая кулаки и явно замышляя кровопролитие.

Джейсон едва успел перехватить кулак, целившийся в его челюсть.

– О, жалкий мерзавец! – прошипела она и, умудрившись выдернуть руку, ударила его в живот.

Джейсон со стоном поймал ее руки.

Она привстала на цыпочки и принялась вырваться, но Джейсон понял, что отпускать ее опасно.

– Ничтожный кретин, подлый слизняк, отпустите меня! Я вам все ребра переломаяю!

– Пусть я ничтожный и жалкий, но глупым меня не назовешь. И свобода вам противопоказана.

– Погодите, я еще всажу вам кулак в печень!

– Всю дорогу в Лондон она перебирала всяческие способы, гадая, как лучше тебя прикончить, – пояснила Корри. – Даже мои уговоры и попытки втянуть ее в разговор не помешали этой даме строить весьма изобретательные планы убийства. Самым интересным мне показался тот, где тебя запихивали в бочонок с сельдью и отправляли на другой конец света в корабельном трюме.

Корри немного помедлила, постучала кончиками пальцев по подбородку и вздохнула.

– Но знаете, Холли, в конце концов вы меня разочаровали.

Холли, на миг забыв о враге, обернулась.

– То есть как это «разочаровала»?!

– Очевидно, вы никогда не учились боксу. Высказали все, что о нем думаете, и вместо того, чтобы свалить его с ног, действовали, как девчонка: прямой, довольно слабый удар, никакого искусства, ничего удивительного!

– Простите, что посмел непрошеным явиться на поле битвы, но откуда, черт возьми, ты знаешь о боксе, дорогая жена?

– Как-то в двенадцать лет я тайком последовала за тобой и Джейсоном на боксерский матч. Ты, Джейсон вместе с полудюжиной буянов из Оксфорда собрались, чтобы предаться беспутству и просадить все денежки, любуясь, как один потный идиот убивает другого потного идиота.

– Неужели ты не заметил ее, Джеймс? И действительно узнал об этом только сейчас? – удивился Дуглас.

– Она всегда была пронырой, – буркнул Джеймс и возвел глаза к потолку. – Благодарю тебя, Боже, за то, что собравшиеся джентльмены не узнали в ней девчонку. Надеюсь, ты была в штанах?

– Естественно! Я даже выиграла фунт, поставив на очень потного мужчину... как там его звали... Кратчер, кажется.

– Верно, – кивнул Джейсон. – Именно Кратчер. Нет, мисс Каррик, не стоит стараться запихать меня в камин. Стойте смирно, вот так-то лучше. Корри, я тоже поставил на него. Выиграл сотню фунтов у Куина Паркера. До того дня никогда не видел стофунтовой бумажки. Джеймс, правда, пытался выпросить свою долю, но я надежно спрятал добычу.

– Подумать только, я три раза обыскивал твою комнату в поисках этих денег, – досадливо заметил Джеймс. – Где ты их хранил?

- В саду. Примерно в футах от любимой статуи Корри.
- О Господи, Джейсон, как ты догадался, какая из статуй – моя любимая?
- Это любимая статуя всех женщин.

Алекс, мать Джейсона и Джеймса, любезно пояснила Холли, не обращая внимания на пораженный взгляд мужа:

– Это большие, красивые статуи обнаженных мужчин и женщин в очень оригинальных позах, и я сказала бы, что сюжеты весьма откровенны. В прошлом веке их привез один из предков моего мужа. Настоящие произведения искусства.

– Откровенны? Каким образом? – заинтересовалась Холли.

– Я вам их покажу, – вызвалась Корри. – Крайне познавательное зрелище.

– Вы меня интригуете.

– Понимаете, там показаны все способы близости между мужчиной и женщиной...

– Близости? – восторженно воскликнула Холли, на миг забыв о Джейсоне и Лайонз-Гейт. – Что вы хотите сказать?

– Видите ли... О Господи, наверное, сейчас не время и не место это обсуждать.

Джейсон закатил глаза.

– Аминь, – заключил муж Корри. – Забудьте о статуях.

– Говорите, они обнаженные? – не унималась Холли. – Статуи мужчин.

– М-да, – признала Алекс.

– Корри, вы можете показать мне эти статуи? Вряд ли тот слизняк, что стоит передо мной, способен выдержать сравнение с ними.

– Видите ли, откровенно говоря, это статуи вряд ли способны выдержать сравнение со слизняком. Или с Джеймсом.

– Довольно! – заревел последний.

Холли дернулась, обнаружила, что Джейсон не думает ослабить хватку, и прошипела:

– Бьюсь об заклад, вы вырыли сотню фунтов при первой же возможности и через двадцать минут проиграли все в игорном притоне.

– Мои сыновья всего однажды были в игорном притоне, – вступился Дуглас, – вместе со мной, их отцом. В семнадцать лет.

– Боже мой, Дуглас, ты даже не соизволил рассказать мне! – возмутилась Алекс. – Как бы я хотела полюбоваться этим зрелищем. Заняла бы штаны у Корри, возможно, надела бы маску, заказала стаканчик бренди...

– Тебе бы там не понравилось, мама, – заверил Джеймс. – Мужчины все до одного были пьяны вдрызг и ставили на карту огромные суммы, словно у них других забот не имелось. И будем откровенны, там ужасно воняло. Что же до владельца притона, у него был такой вид, словно он с большим удовольствием воткнет нож в живот всякому, кто не заплатит проигрыша.

– Я поняла, сэр. Просто блестяще! Вы преподали мальчикам прекрасный урок! – воскликнула Корри.

Дуглас кивнул:

– Больше всего нас влечет неведомое. Сорвите покров тайны, и увидите под ним гниль. Насколько я помню, мой отец тоже повел меня в печально известный притон примерно в том же возрасте.

– А вот моему отцу в голову не пришло отвезти меня и Мелисанду в столь познавательное путешествие. Готова держать пари, в Йорке тоже есть игорные притоны, верно, Дуглас?

– Господи, дай мне силы, – взмолился Дуглас.

Холли еще раз дернулась, но хватка Джейсона оказалась стальной.

– Все эти познавательные уроки прекрасны, но нельзя ли вернуться к делу?

– Какому делу? – переспросил Джеймс. – О, простите, совсем забыл. Вы вознамерились убить моего брата.

– Нет! – почти взвыла она. – Я хочу свою конферму. Она моя, она принадлежит мне! Я заплатила хорошие деньги, можно сказать, высыпала их в сложенные ладони самого владельца, а не его проныры-поверенного.

– Прежде чем мы вернемся к этой теме, – вмешался граф, – я бы хотел знать, что Джейсон сделал с деньгами.

– Знаете, – медленно выговорил Джейсон, – я совсем о них забыл. Думаю, они до сих пор так и зарыты там.

– Вы забыли о сотне фунтов? Невозможно! – съязвила Холли. – Молодой человек, даже такой, у которого больше красоты, чем мозгов, просто не способен забыть о деньгах.

– Превосходно! – обрадовалась Корри. – Холли, вы вновь обрели чувство юмора.

Холли очень хотелось наброситься на нее, но Джейсон так и не разжал рук. Однако она все же сумела погрозить кулаком в направлении Корри.

– И у вас еще хватает наглости выставить меня на посмешище?!

– Вовсе нет, – невозмутимо ответила Корри. – Вы все еще жаждете уложить Джейсона на обе лопатки? Я научу вас боксировать, мисс Каррик. Ну, что вы на это скажете?

Джеймс в отчаянии всплеснул руками.

– Подумать только, видела всего один матч в двенадцать лет. И уже собирается давать уроки!

– О нет, – объяснил Дуглас. – Я сам ее учил. И твою мать тоже.

На этот раз его пиратская улыбка была адресована ошарашенным сыновьям. Немного опомнившись, Джейсон сжал руку Холли еще сильнее и возмущенно уставился на отца.

– А теперь, мисс Каррик, довольно воспоминаний, хотя откровенность отца потрясла моего несчастного брата до глубины души. И вы никогда не видели Корри в мужских штанах. Кстати, Корри права. Простой удар в живот сразу выдает незнание правил бокса.

– Я просто хотела привлечь ваше внимание, – процедила Холли. – Убийство еще впереди. Граф, прислонившийся к каминной доске, задумчиво пробормотал:

– Хотел бы я знать, где этот Уилликом! Вместо того чтобы заливать нам в глотку чай...

– Милорд! А, и мастер Джейсон тоже дома! Какой восторг, и какой прекрасный день нас ожидает! Только взгляните, как солнце льется в широкие окна и освещает лицо блудного сына! Но, мастер Джейсон, почему выдержите эту молодую леди за руки?

– Уилликом, эта молодая леди жаждет сбить меня с ног. Ее зовут мисс Холли Каррик.

– Может, позвать Реми, мастер Джейсон? Уж он-то с ней справится!

– Рановато, Уилликом. Пока еще я сам держусь.

Уилликом повернулся к Алексу:

– Подать прохладительное, миледи?

– Все, что кухарка сумеет приготовить на скорую руку. Как Реми?

– Расстраивается, бедный мальчик, исстрадался весь, истощал, как куриная ножка.

Трильби – она камеристка, и прознала у госпожи все трюки, которыми можно свести мужчину с ума.

Уилликом покачал головой и вышел из комнаты.

– Реми влюблен! – оживилась Корри. – Трильби? Кто ее хозяйка? Уилликом сказал, что она выучилась трюкам у хозяйки? Хм, интересно...

– Корри, я обучу тебя всем трюкам, необходимым, чтобы мне угодить, – перебил Джеймс.

– Почему бы нам всем не сесть? – предложил Дуглас. – И никаких издевок, Джейсон, никакого насилия, мисс Каррик. Итак, Джейсон, я пытался объяснить Холли, что это вовсе никакая не подлость и ты просто хотел ускорить дело. Твоя мать тоже старалась заверить ее в твоём благородстве. Твой брат из кожи вон лез, клянясь, что у тебя прирожденный талант приводить колеса правосудия в движение...

Но тут, к полному потрясению графа, юная бесстыдница имела наглость оборвать даже его:

– Ах да, все только и твердили о вашем умении улаживать трудности. Я спросила, какие именно трудности, но мне, естественно, никто не ответил. – Она снова просверлила Джейсона злобным взглядом. – Что же до вашего чертова братца, он задрал нос и смотрел на меня сверху вниз, за то, что я посмела обвинить вас в нечестной игре. Повторяю, вы гнусное создание, годное только на то, чтобы вас освежевать и засунуть внутренности в ваши же уши. Да отпустите меня!

– С удовольствием.

Джейсон разжал руки и направился к креслу с высокой спинкой. Сложил пальцы домиком, вытянул и скрестил длинные ноги.

– Мисс Каррик, а что сказала Корри? В конце концов, это вы пели ей дифирамбы и восхищались ее умом.

– Как! Вы считаете меня умной?

– Тише, Корри! – велел Джейсон. – Мисс Каррик?

Но Холли все еще была слишком рассержена, чтобы мыслить здраво. Подумать только, он как ни в чем не бывало развалился в проклятом кресле! Что там сказала Корри?

Усилием воли она взяла себя в руки и обнаружила, что все Шербруки разбрелись по большой гостиной, очевидно, забавляясь ее гневом.

– Корри сказала, что вы – один из самых порядочных людей, которых она знает, и что мое брюзжание уже всем надоело.

Последовал момент благословенной тишины.

– Ты на самом деле такого мнения обо мне, Корри? – прошептал Джейсон.

– Но это чистая правда, – пожала плечами Корри.

– Что же, может, она действительно настолько умна? – предположил Джеймс. – Только взгляните, каких близнецов она произвела на свет! Ты вальсировал с ними, Джейсон, и сам видел, как они грациозны и энергичны. Это Корри научила их танцевать.

– Да, они так легконоги, что почти летают, – засмеялась Корри.

Холли побагровела от унижения. Они буквально топчут ее ногами! Смеются, беспечные, как жаворонки, предоставив ей играть роль мегеры.

– Итак, – обратился к ней Джейсон, – вы готовы выслушать меня, мисс Каррик?

– Совершенно готова.

– Новости не слишком хороши.

– Я ничего другого и не ожидала.

Дугласу не понравилось выражение окаменевшего лица сына. Что-то было неладно. Очень неладно. До чего же трудно не броситься на его защиту! Но Дуглас заставил себя ничего не предпринимать и, последовав примеру сына, тоже уселся в кресло напротив. Алекс подошла ближе и положила руку ему на плечо. Он поднял глаза, улыбнулся и потянул ее себе на колени.

Джеймс молча изучал лицо брата. Ему, как и отцу, не понравилось увиденное. Черт возьми, он не хочет, чтобы Джейсон был несчастен! Брат должен получить Лайонз-Гейт! Иметь все, что он заслужил! Джеймс не переживет, если Джейсон снова уедет! Ему плясать хотелось при виде взволнованных глаз брата, осматривавшего конюшни и загоны!

– Что там, Джейс? Что за дурные новости?

Джейсон вздохнул и потер шею.

– Оказалось, что Томас Ховертон уже продал Лайонз-Гейт за весьма скромную сумму некоему мистеру Бенджамину Чартли из Манчестера, и при этом не позаботился уведомить мистера Кларка, своего поверенного. Когда мисс Каррик пришла к нему, он воспользовался возможностью, чтобы ее обмануть, а услышав от поверенного, что появился третий покупатель,

счел, что для его здоровья будет полезнее покинуть страну. Что он и сделал в тот же вечер. Но разумеется, самое важное, что законный владелец Лайонз-Гейт – это мистер Чартли.

В комнате воцарилась мертвая тишина.

– Ну и ну, – вздохнул наконец Дуглас. – Кто бы подумал, что у Ховертона хватит отваги на такое.

– Должно быть, его положение было совсем уж отчаянное, – предположила Алекс. – Вот уж действительно сюрприз.

Холли молча подошла к камину, уставилась на пустую решетку и пнула ногой полено.

– Мне очень жаль, мисс Каррик, – сказал Джейсон ей в спину. – Понимаю, какое это для вас потрясение. Впрочем, и для меня тоже.

Холли резко повернулась.

– Я уезжаю завтра утром, чтобы найти этого ничтожного червя и пристрелить. Получу назад свои деньги. А заодно и ваши, мистер Шербрук, поскольку это вам удалось так быстро его разоблачить.

Подхватив юбки, она быстро вышла из гостиной.

– Прекрасный жест, но она не знает, где спальня, – заметила Алекс и, неохотно встав с колен мужа, поспешила за гостьей.

– Что ты собираешься делать, Джейс?

– Я уже связался с мистером Чартли. Он готов продать мне Лайонз-Гейт, но теперь цена удвоилась. Чартли владеет тремя процветающими фабриками в Манчестере. Поэтому умеет распознать человека, который готов пойти на все, чтобы получить желаемое.

– А этот тип знает, кто ты? – спросил Дуглас, вскинув темную бровь.

– Я назвал свое имя. Ты имеешь в виду, знает ли он, что я твой сын? Если и нет, то, возможно, сейчас уже навел справки. Но какая разница, известно ему или нет?

Дуглас улыбнулся своему наивному мальчику:

– Прежде всего необходимо понять, почему мистер Чартли, фабрикант, сейчас находится в Лондоне. Вполне возможно, надеется пролезть в лондонское общество. Скорее всего имеет дочь на выданье. Если это так, он у нас в руках.

– Но я не...

– Джейсон, он продаст тебе поместье за ту цену, которую заплатил сам, иначе все двери в Лондоне для него закроются. А потом я вполне могу его разорить.

– Ну не болван ли я, что сам не подумал об этом? – засмеялся Джейсон.

– У тебя просто не было времени, – великодушно заметил отец. – И потом, ты слишком долго прожил в Америке. Неужели действительно считаешь, что мисс Каррик помчится во Францию, чтобы покончить с Томасом Ховертоном?

– О да, без сомнения. Я все время твержу, что она больше американка, чем англичанка, и вот вам доказательство. Джесси Уиндем сделала бы то же самое. Стоит ей унюхать злодея, и она немедленно мчится восстанавливать справедливость. Захватит с собой не меньше двух пистолетов, кнут, которым охаживает жокеев, ведущих нечестную игру на скаковом круге, и сунет в сапожок нож, который предварительно прикрепит к щиколотке. – Он невольно засмеялся и покачал головой: – Что за катастрофа!

– Такого мы никак не предполагали, – поддакнула Корри. – Холли мне нравится, но позвольте мне быть откровенной: я была готова похитить ее и отправить на Шотландские острова. Она обжила бы одну из заброшенных хижин викингов и довольствовалась бы тем, что выращивала местных пони.

В дверях неожиданно появилась няня близнецов и растерянно огляделась. Джеймс и Корри дружно вскочили.

– Да, миссис Маклин, что случилось?

– Н-нет-нет, не волнуйтесь, милорд. Просто мастер Эверетт желает вальсировать.

– Вальсировать?

– Да, милорд. Со своим дядей. Откуда-то издалека донесся громкий вопль.

– Он весьма настойчив, – пояснила миссис Маклин, перекрывая очередной вопль, от которого левый глаз Джеймса подозрительно дернулся.

– Но, Элайза, вы прекрасно вальсируете, – напомнила Корри. – Почему бы вам не сделать круг по детской?

– Мастер Эверетт твердит, что только мужчина сможет делать это как полагается, – пробормотала несчастная миссис Маклин.

– О Господи, неужели началось? – вздохнула Корри.

– Мастер Эверетт говорит, что у меня недостаточно широкий шаг.

– Итак, кто будет играть на пианино, пока я танцую с Эвереттом? – смеясь, осведомился Джейсон.

В комнату вошла Алекс в сопровождении Уилликома с большим серебряным подносом в руках.

– Я сыграю, – вызвалась она. – Боже, за последние полтора дня Эверетт еще вырос!

– Тогда мы идем в музыкальный салон. Миссис Маклин, как насчет его брата?

– Сейчас мастер Дуглас грызет кость Уилсона, а щенок пытается ее отнять.

– Щенку всего семь недель. Йоркширский терьер, такой уродливый и милый, что хочется обнять его и потискать. Уилсон и Дуглас – хорошие друзья.

– Скорее уродливый, чем милый, – буркнул Джеймс. – Но он так уютно устраивается у меня на шее по ночам.

– Простите, милорд, но прошлой ночью Уилсон спал у меня на шее, – возразила миссис Маклин.

– Но теперь Уилсон в новом доме, – вмешалась Корри. – Посмотрим, с кем он будет спать сегодня.

– К несчастью, – заметил граф, – похоже, что Дуглас также любит есть из собачьей миски.

– О Господи, – всполошилась миссис Маклин, – а я спрятала миску Уилсона под кроватью Эверетта!

Джейсон покорно потащил Эверетта в музыкальный салон. Малыш болтал ногами, размахивал ручонками и пел так громко, что Джейсон временно оглох на правое ухо. Джеймс и Корри вместе с миссис Маклин отправились вытаскивать кость изо рта Дугласа, а заодно и подsunуть новую щенку.

Никто не сомневался, что через пять минут Дуглас тоже будет вальсировать с дядей.

Что же до Холли Каррик, она в это время находилась в прелестной спальне наверху, куда отвела ее Алекс. Не обращая внимания на обстановку, девушка поспешно переодевалась в дорожную одежду.

Глава 10

Когда полчаса спустя Холли появилась с саквояжем в руках и в модном темно-синем плаще, Уилликом, дворецкий Шербруков, отправил помешавшегося от любви племянника Реми уведомить обо всем Джейсона, который немедленно передал близнецов деду. Тот стал послушно вальсировать, а Джейсон вышел в вестибюль, где Холли давала последние инструкции застывшему от ужаса Реми.

– Минуту, мисс Каррик, – окликнул Джейсон. – Мне тоже нужно переодеться перед отъездом.

– Воображаете, что я позволю вам сопровождать меня? – прошипела Холли. – Хотите раздавить негодяя первым? Нет, оставайтесь тут и умоляйте мистера Чартли продать поместье, пока я буду добывать наши денежки у Томаса Ховертона. Когда я вернусь, сама позабочусь о мистере Чартли. А тем временем не смейте позволять этому человеку обирать себя. Слышите?

– Вы мыслите, как американка, – со сдержанной улыбкой заметил он, щелчком стряхнув пылинку с рукава.

– И что вы хотите сказать этой ехидной репликой?

– О, не знаю. Но это заметно по очевидному отсутствию утонченности и откровенной простоте поведения. Или вы просто рветесь вперед, не давая себе труда сначала хотя бы немного обдумать ситуацию? О нет, зря вы кипите яростью.

Прелестные изогнутые брови взлетели вверх. Реми попятился в тщетной надежде скрыться с глаз спорящих.

– И совершенно нет нужды мчаться в погоню за Ховертоном прямо сейчас, – продолжал Джейсон. – Если вы все еще захотите покончить с ним, после того как я вам кое-что расскажу... что же, я буду вынужден вас сопровождать.

– Вы не обязаны делать ничего подобного. А что вы хотели мне сказать?

– Лондон совершенно не похож на Балтимор, мисс Каррик, как вы уже успели узнать. Вам не откажешь в уме и сообразительности. И, как вам известно, лондонское общество не позволяет кому попало проходить под его августейшими порталами. Деньги значения не имеют. Например, покойного мужа Люсинды Фротингейл не пустили бы даже на порог по той простой причине, что он владел несколькими мельницами. Тот факт, что он был богаче многих благородных пэров, в данном случае абсолютно не важен. Мельник – это ремесло, мисс Каррик, а люди, занимающиеся бизнесом, ремеслами и торговлей и к тому же не имеющие древней родословной и влиятельной семьи, в клуб не допускаются. Это вам понятно?

– Да, разумеется, но я все же не понимаю, каким...

Холли осеклась и медленно распахнула глаза. Значит, поняла.

Он даже себе не хотел признаваться, что она соображает быстрее его.

– Пожалуй, мне стоит повидаться с поверенным дяди, – решила она. – Он точно выяснит, кто такой этот мистер Чартли.

Конечно, Джейсону следовало бы поощрять ее в стремлении погнаться за Томасом Ховертоном, несмотря на то, что Холли была молода и одинока. Она только что заплатила за поместье. Остались ли у нее деньги? А что, если она, прибыв в Кале, обнаружит, что ей нечем заплатить за рыбацкую лачугу, не то, что за приличную гостиницу?

– Вам совершенно ни к чему беспокоиться, мисс Каррик, – заверил Джейсон. – Мой отец уже обо всем позаботился. Скоро мы узнаем о мистере Бенджамине Чартли все, что возможно.

– Но я...

– Я начинаю верить в справедливость пословицы «Волос длинный, ум короткий». Лично мне кажется, что ваши волосы куда прелестнее ваших мозгов.

К его удивлению, она не накинулась на него. И вообще не шевельнулась. Упорно смотрела на носки своих туфель, старых и потертых, хотя довольно изящных.

– Полагаю, вы правы. Отец всегда твердил, что перед тем, как что-то предпринять, мне необходимо три минуты посидеть в углу и подумать. И добавлял, что всякий раз, когда я действую слишком быстро, ему приходится распутывать самые невероятные клубки последствий. – В прекрасных голубых глазах мелькнула улыбка. – Спасибо, что остановили меня, прежде чем я успела натворить дел. Остается надеяться, что мои волосы смотрятся лучше мозгов. Мысль ужасающая, тем более что я никогда не видела, как выглядит человеческий мозг. Теперь, немного поразмыслив, я поняла, что у меня не слишком много денег.

– Я так и подумал.

– Вряд ли отцовские банкиры захотят бросить очередную солидную сумму на ветер, то есть в мои протянутые руки, особенно когда обнаружат, как легко меня провести. Они посчитают меня наивной дурочкой, короче говоря, женщиной. Но сейчас дело не в деньгах. У меня есть пистолет, маленький хлыст и нож в сапоге. Томасу Ховертону в голову не придет, что я посмею его преследовать. Скорее всего он отыщется в Кале, в ближайшем игорном притоне. И тогда я спокойно сдеру с него шкуру.

– Или грабители отыщут вас прежде, чем вы – Томаса. Может, одного вам удастся застрелить, но как насчет второго и третьего, засевших в темном переулке? В этих юбках вам будет нелегко добраться до ножа.

Она подняла кулак. Джейсон рассмеялся.

И сообразил, что она с любопытством смотрит на него, склонив голову набок.

– Что-то не так?

– Я знаю, что не нравлюсь вам, мистер Шербрук, и поэтому не понимаю, почему вы не позволили мне уехать. Я убралась бы с ваших глаз, развязав вам руки. А теперь начнутся бесконечные затруднения.

– Я не хочу, чтобы дело закончилось плохо, а именно так скорее всего и будет. Никогда не доверял французам, особенно после встречи с мадемуазель Бенуа в Балтиморе, которая... впрочем, не важно.

– Как-то мой отец сказал, что французы считают, будто Господь создавал Десять заповедей не для них, поскольку они не написаны по-французски. Наверное, поэтому французская болезнь получила такое широкое распространение.

– Он говорил с вами о французской болезни? – удивился Джейсон.

– Нет, я подслушивала. А когда мимоходом упомянула в разговоре о французской болезни, он так побагровел, что казалось, вот-вот взорвется. А кто такая мадемуазель Бенуа?

Джейсон отчаянно кусал губы, стараясь не рассмеяться. Очень не хотелось, чтобы она выхватила пистолет, хлыст или нож и разделалась с ним.

Он смущенно откашлялся.

– Мадемуазель Бенуа не должна вас беспокоить. Мы все уладим.

– Но как?! – выдохнула она, шлепнув ладонью по лбу. – До чего же я глупа. И какие тут трудности? Если ваш отец пригрозит мистеру Чартли отлучением от общества, тот наверняка продаст поместье вам. У меня не останется никаких шансов.

Джейсон пожал плечами. В конце концов, это правда.

– Все будет сделано еще до того, как я попрошу дядю сделать то же самое.

– Совершенно верно.

– Так что вы победили, мистер Шербрук.

– Очень мило с вашей стороны, мисс Каррик, но несколько преждевременно. Предлагаю подождать с поздравлениями, пока не узнаем, какие надежды и устремления связывает мистер Чартли с нашим прекрасным городом.

– Бьюсь об заклад, у него восемнадцатилетняя дочь, которую он жаждет выдать замуж за разорившегося барона, чьи карманы набьет золотом.

– Вполне вероятно.

– С таким же успехом я могу отправляться на поиски Томаса Ховертона, иначе братцы и сестра не дадут мне покоя. Так и слышу, как они издеваются: «Холли, говоришь, что купила поместье, а владелец сначала продал его кому-то другому, а потом сбежал в другую страну. И ты не подумала принять самые простые меры предосторожности? А еще хвастаешься своим умом?» И так будет продолжаться день за днем, пока я не повешусь с тоски.

Джейсон снова сдержал смех.

– Давайте подождем и посмотрим, как будут развиваться события. Независимо оттого, получу я поместье или нет, обязательно помогу вам найти Томаса, – выпалил он и осекся, не веря, что отважился на такое.

Замолчав, он искоса взглянул на нее.

– Вы не так злы на Томаса Ховертона, как следовало бы, – медленно выговорила она. – Почему бы?

– Дело в том, что он не получил моих денег, – улыбнулся Джейсон. – Не потому, что я так проницателен и хороший бизнесмен: просто поверенный Шербруков, Коварный Уилли Биббер отказался заплатить Кларку хотя бы медный фартинг, пока я не вступлю во владение Лайонз-Гейт.

Холли в который раз почувствовала себя абсолютной тупицей. Повернувшись, она стала подниматься по широкой лестнице, но на полпути остановилась и снова обернулась. Джейсон продолжал стоять в вестибюле, наблюдая за ней.

– Теперь я понимаю, – глухо пробормотала она, – почему лорд Ренфру взял в любовницы миссис Мэчем за две недели до нашей свадьбы. Посчитал, что я слишком глупа и увлечена им, чтобы вовремя разоблачить. И я ведь на самом деле так и не узнала насчет миссис Мэчем, пока не разорвала нашу помолвку. Ни за что не догадаетесь почему. Мне стало известно, что мистеру Хаффу, его портному, не платили уже полгода. Видите ли, он пришел ко мне, в надежде получить деньги, и посоветовал не удивляться, если за ним придут другие кредиторы, поскольку всем известно, что его светлость поймал в сети прелестную пухленькую голубку, совсем зеленую, которая, вполне возможно, расцветет еще до весны.

– Вам пришлось перенести немало унижений, – сочувственно заметил Джейсон. – Вы имеете в виду Уильяма Слоуна?

– Нет. Уильям проиграл почти все свое состояние, прежде чем ему повезло умереть, и его брат, Эдджин Слоун, стал лордом Ренфру.

– Но разве ваш дядя не знал, что он собой представляет? Не проверил, женится ли он по любви или ради денег...

– Проверил. Это Уильям имел дурную репутацию. Не Эдджин. Кроме того, он появился на лондонской сцене всего за семь месяцев до того, как встретил меня. Никто не ведал об истинном состоянии его финансов.

– Кроме мастеровых и кредиторов.

– Очевидно, так.

– Какое счастье, что вы все узнали до свадьбы.

– Ну... узнай я после свадьбы, попросту пристрелила бы негодяя.

– Типично американское высказывание, – со смехом заметил Джейсон. – Здесь вы уже болтались бы на виселице. Кстати, именно тогда вы решили, что хотите владеть конефермой?

– Да. Я стану независимой и никогда не выйду замуж.

– Как я уже говорил, мисс Каррик, на продажу выставлено немало поместий, а в Англии существует немало мужчин, которых нельзя назвать подлецами вроде Эдджина Слоуна.

Девушка нетерпеливо отмахнулась:

– Впрочем, я вполне могу стать монахиней.

– Не представляю, какая достойная настоятельница согласится вас принять. Сильно сомневаюсь, что в вас обнаружится достаточно смирения для невесты Христовой.

– Все равно я не выйду замуж, – пожалала плечами Холли, – если только окончательно не выживу из ума и не отдам все свои деньги очередному негодяю. Пожалуй, найму кого-нибудь присматривать за мной. Если мне грозит опасность попасться на ту же приманку, этот человек просто запихнет меня в бочонок из-под сельди.

– Повторяю: не все мужчины подлецы, мисс Каррик.

Она снова пожалала плечами, не глядя на него. Он остро ощутил ее боль, и возненавидел себя за это. Она снова стала подниматься по ступенькам.

– Как и вы, мисс Каррик, – неожиданно выпалил он, – я тоже решил никогда не жениться. Какое счастье, что не на мне лежит обязанность произвести на свет наследника Шербруков, так что особого значения это не имеет.

Девушка ничего не ответила, но Джейсон чувствовал, что она прислушивается. Но он не собирался ничего говорить! Кой черт дернул его за язык? Никогда он не будет говорить об этом, никогда...

– Все случилось почти пять лет назад...

Он поспешно захлопнул рот. Идиот, последний идиот. Какое ей дело? Да и всем остальным...

– Собирались жениться на девушке, которой были нужны только ваши деньги?

Джейсон рассмеялся тихим злобным смехом, и с языка неожиданно слетела фраза, от которой похолодела кровь:

– О нет, мисс Каррик, что значит жалкая измена алчного жениха по сравнению с моей историей? Я выбрал девушку, которая замышляла убить моего отца. И это ей удалось бы, не окажись Корри таким метким стрелком.

Господи, он самому себе противен! И выложил все, только чтобы немного утешить эту возмутительную особу. Слава Богу, что хоть подробностями не поделился! Жаль, что нельзя вернуть вылетевшие слова и забить себе в глотку!

Он повернулся и вышел во двор.

Холли Каррик долго не двигалась с места. Она успела наслышаться самых разнообразных сплетен относительно причин, побудивших Джейсона Шербрука так внезапно покинуть Англию и остановиться у Уиндемов. Но, как оказалось, злые языки ничего не знали. И он прав: она оскорблена и унижена, потому что один бесчестный человек пытался добраться до ее денег. То, что случилось с ней – вполне обыкновенная вещь, но вот его история... Джейсона безжалостно, подло использовали, и этого достаточно, чтобы душа омертвела. Он отправился в Америку, пытаясь убежать от самого себя. Но вряд ли ему это удалось. И теперь Холли готова прозакладывать свое немалое приданое, что он больше никогда не доверится другой женщине. И можноли его осуждать?

Глава 11

Назавтра за обедом Дуглас объявил:

– Мне очень жаль, мисс Каррик, но мистер Чартли продает Лайонз-Гейт Джейсону за сумму, которую сам заплатил Томасу Ховертону.

– И сумму, не стоящую внимания. Что же, так я и думала. Не правда ли, интересно, мистер Шербрук, что после всего случившегося вы получили то, чего добивались, причем за сущие гроши, – процедила Холли и медленно поднялась. – Милорд, миледи, я хотела бы поблагодарить вас за гостеприимство. Завтра утром я уезжаю в Рейвенсуорт. Мне еще нужно сложить вещи.

Она кивнула каждому из собравшихся по очереди и вышла из гостиной. Но у подножия лестницы обнаружился Уилликом, явно загородивший дорогу.

– Да, Уилликом?

– Я просто хотел сказать, мисс Каррик, если простите мою дерзость, что мой кузен работал у лорда Ренфру. Так вот он утверждал, что его сиятельство – подлый грязный человек, из тех, кто совратит горничную и похвалит себя за мужскую доблесть. Никогда спасибо не сказал ни одному слуге. Это мой кузен Куинси заметил мистеру Хаффу, портному лорда Ренфру, что его шансы получить деньги не слишком высоки. Куинси, разумеется, понятия не имел, что портной явится к вам с протянутой рукой. Но все обернулось к лучшему, не так ли?

– Совершенно верно. Как все-таки тесен мир!

Уилликом слегка поклонился Холли, и та снова стала подниматься наверх, но остановилась и обернулась.

– Уилликом, вы знаете, какова судьба лорда Ренфру?

– Его сиятельство женился на мисс Энн Брейнерд из Йорка. Ее отец владеет множеством каналов, пересекающих север Англии во всех направлениях, и сколотил немалое состояние, перевоза товары по этим каналам. Только вот теперь, когда появились поезда, каналы стали не нужны, потому что перевозить товары поездом куда быстрее и дешевле. Ходили слухи, что лорд Ренфру не получил от брака того, что ожидал. Кроме того, тесть довольно быстро понял, что зять вовсе не тот, кого можно назвать порядочным человеком.

– Значит, на свете существует справедливость?

– Только не для его бедной жены.

– В жизни всегда кто-то должен проигрывать, Уилликом.

– Да, мисс. Совершенно верно.

– Но что делал ваш кузен у лорда Ренфру?

– Был главным кучером здесь, в Лондоне, и в деревенском поместье..

– А что он делает теперь?

– Служит младшим кучером у леди Поли, на Бипер-лейн. Она ужасно толстая, эта леди Поли, так что даже лошади стонут, когда два лакея подсаживают ее в экипаж. Какая жалость!

– А ваш Куинси – сильный парень?

– Почти как мой племянник Реми.

– Благодарю вас, Уилликом. Я должна подумать об этом.

Она ушла, оставив Уилликома смотреть ей вслед. Молодая леди проиграла в честном поединке, что лишь доказывает правоту ее слов: в этой жизни всегда кто-то должен проигрывать. Таков наш мир. Что же будет с ней теперь? И почему она так заинтересовалась Куинси?

За ужином Дуглас, взглянув в сторону молчаливой Холли, сказал:

– Позвольте немного рассказать вам о мистере Чартли. Как мы и подозревали, мисс Чартли действительно существует. Мы встретили ее, когда приехали в дом мистера Чартли на Парк-лейн, двадцать пять, прелестный угловой особняк, который сдали ему на сезон наслед-

ники леди Беллингем. Мисс Чартли только исполнилось восемнадцать. Она... э... не слишком красива, довольно полна, а зубы чересчур длинны и выдаются вперед. Что же до ее смеха... поверьте, мои нервы его не выдерживают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.